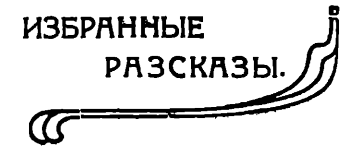
Е. Н. Чириковъ.

Избранные разсказы.

Е. Н. Чириковъ.

Изданіе редакціи журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ".
1913.

Типографія „Т-ва Художественной Печати“, Спб., Ивановская, 14.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

Повѣсть.

I.

Петръ Трофимовичъ спустилъ съ кровати ноги въ однихъ чулкахъ и сталъ ощупью искать на полу валенки... Въ сосѣдней комнатѣ, столовой, топилась галанка; красный отблескъ раскаленныхъ углей бросалъ дрожащія свѣтовыя пятна на полъ, а чрезъ пріотворенную дверь проникалъ и въ комнату Петра Трофимовича, слабо вспыхивая на голомъ темени старика... Должно быть, ужъ поздно: Васильевна топитъ печи два раза въ день, на разсвѣтѣ и еще на ночь, потому что стоятъ морозы, и въ барскомъ старомъ домѣ плохо держится тепло.

— Это ты, Васильевна?—спросилъ старикъ, заслыша возню около печки.

— Я, батюшка...

Васильевна начала бить желѣзной кочергой головешки, угли затрещали, и свѣтъ яркой полосой запрыгалъ на полу и дверномъ косякѣ. Часы медленно пробили де-

вять. Значитъ, теперь пришелъ уже на ближайшій къ нимъ полустанокъ поѣздъ, съ которымъ долженъ пріѣхать и второй сынъ старика, Григорій.

— Уѣхалъ Никаноръ на станцію? — спросилъ Петръ Трофимовичъ хриплымъ спросонья голосомъ.

— Уѣхалъ. Поди, скоро будутъ...

— А Сергѣй Петровичъ?

— Уѣхали братца встрѣчать.

— Надо имъ поѣсть чего-нибудь приготовить... Спроворь самоваръ... Яичницу, что ли! Озябнутъ... Слышишь?

Старикъ говорилъ хрипло и отрывисто, и казалось, что онъ сердится. Но онъ только волновался, ожидая блуднаго сына. Сердце улеглось. Богъ съ нимъ! Несчастный человѣкъ. Не видались около двѣнадцати лѣтъ. Теперь намыкался по свѣту и ѣдетъ къ отцу отдыхать, пишетъ, что усталъ, наконецъ... Да, неудача имъ въ дѣтяхъ: старшаго, Сергѣя, выгнали изъ пятаго класса гимназіи, лѣтъ пять онъ щеголялъ въ формѣ вольноопредѣляющагося, года три томился подпрапорщикомъ и коекакъ вылѣзъ въ подпоручики; другого, Григорія, тоже выгнали, изъ университета ужъ, потомъ отправили куда-то, потомъ отпустили и скоро опять куда-то отослали;

потомъ онъ самъ уже сталъ мыкаться, какъ бродяга, по свѣту; мать такъ и умерла, не видавши Григорія съ тѣхъ поръ, какъ его выгнали изъ университета.

Петръ Трофимовичъ надѣлъ валенки, зажегъ въ столовой лампу и, плотно запахнувшись въ пальто, которое носилъ вмѣсто халата, сѣлъ въ кресло и началъ думать о своей покойной женѣ, о Григоріи, о томъ, что Сергѣй любитъ водочку и сильно поигрываетъ въ карты... Если бы Григорій кончилъ курсъ,—теперь не было бы нужды унижаться предъ всякими тамъ Виноградовыми... Сталъ бы Григорій у нихъ земскимъ начальникомъ, жилъ бы въ своемъ имѣніи... Дуракъ. Теперь, вѣрно, кается, да поздно, близокъ локоть, да не укусишь!..

Старикъ пыхтѣлъ, покашливалъ и что-то шепталъ и казалось, ему жизнь въ тягость, и въ тягость самая радость встрѣчи съ Григоріемъ. За окномъ или въ трубѣ гудѣлъ вѣтеръ, ставень стучалъ гдѣ-то желѣзнымъ болтомъ,—и дряхлый домъ вздрагивалъ подъ порывами зимней вьюги... Глухо донесся собачій лай, такой злобный, съ подвываніемъ. Кажется, звенятъ колокольчики? Да, ѣдутъ... Старикъ дрожащими руками зажегъ свѣчу и торопливо направился къ передней—встрѣчать. Темнота раз-

ступалась передъ нимъ, и подъ свѣтомъ раздувающагося пламени свѣчи вставали угрюмыя стѣны, сѣрыя, съ пятнами на облупившейся штукатуркѣ, занесенныя снѣгомъ окна, съ ледянымъ бордюромъ по стекламъ, старомодная, тяжелая и некрасивая мебель... Половицы иногда жалобно поскрипывали подъ обутыми въ валенки ногами Петра Трофимовича, и весь онъ былъ похожъ на какого-то сказочнаго старика въ этомъ большомъ и молчаливомъ домѣ...

— Сейчасъ! Сейчасъ!

Дверь распахнулась, и въ бѣлыхъ облакахъ ворвавшагося пара зашевелились три несуразныя фигуры, чѣмъ-то обвязанныя, обмотанныя, занесенныя съ ногъ до головы снѣгомъ. Который изъ нихъ Григорій—не разберешь.

— Ни пути, ни дороги!—произнесъ Никаноръ, опуская на полъ чемоданъ пріѣзжаго.

— «Это вотъ Сергѣй: пуговицы свѣтятся, а это, стало быть, Григорій... Борода въ снѣгу, усы въ снѣгу, на головѣ торчитъ башлыкъ пикой».

— Здравствуй, отецъ!

— Здравствуй, здравствуй! Здоровъ ли?.. Снимай башлыкъ-то! Одинъ носъ

видно... Ахъ ты, этакій... Ну, теперь подойди ближе!..

Они поцѣловались нѣсколько разъ. Потомъ Григорій сталъ снимать пальто, а Петръ Трофимовичъ все смотрѣлъ ему въ лицо, особенно въ глаза и думалъ: «Совсѣмъ мать, вылитая мать!» и сердце старика заполнялось нѣжностью къ этому «безпутному субъекту», — какъ называлъ отецъ Григорія,—и ему хотѣлось смѣяться отъ радости и плакать о томъ, что вотъ Гриша, наконецъ, пріѣхалъ, а Марьи Θеодоровны нѣтъ, и она не знаетъ объ этомъ и не можетъ посмотрѣть, какая большая борода выросла у Гриши... Старикъ похлопалъ Григорія по плечу и сказалъ:

— А меня, чай, не узналъ? Совсѣмъ я старикомъ сталъ, въ могилу гляжу... Идите въ столовую, тамъ тепло... Четырнадцать градусовъ... Ну, ну! Всѣ теперь... Только матери нѣтъ...

Петръ Трофимовичъ засуетился, сбѣгалъ въ кухню и поругалъ Васильевну за промедленіе съ яичницей. Потомъ онъ подсѣлъ къ Григорію и снова сталъ похлопывать его по плечу и заглядывать ему въ глаза.

— Всѣ теперь въ сборѣ... Да!.. Только

матери нѣтъ... Да! Ушла она, наша мать, не дождалась тебя, Григорій!.. Да!

— Будетъ ужъ, папаша!—недовольно замѣтилъ густымъ басомъ подпоручикъ.— Что толковать ужъ!

А Григорій вдругъ заморгалъ глазами... Ему, такому большому и серьезному, отвыкшему за двѣнадцать лѣтъ не только отъ родительской ласки и опеки, но даже отъ мысли о родителяхъ, давно уже ставшему чужимъ человѣкомъ для семьи и всѣхъ своихъ родственниковъ, вдругъ сдѣлалось страшно жаль мать и мучительно больно сознавать, что онъ никогда уже болѣе не увидитъ своей «мамаши»... Теперь только смерть матери сдѣлалась для него какимъ-то чудовищнымъ, невѣроятнымъ фактомъ! Ему захотѣлось узнать про мать: когда она умерла, отъ чего, гдѣ она похоронена, не спрашивала ли она на смертномъ одрѣ про него, Григорія.

— Отчего умерла мать?

— Да будетъ ужъ! Ну, умерла, значитъ—умерла... Не все ли равно? Что тутъ говорить!—опять пробасилъ Сергѣй и недовольно и сердито выпустилъ «хм!», словно приказалъ прекратить непріятные разговоры и тяжелыя воспоминанія.

Васильевна принесла сковородку съ

яичницей и не уходила. Она встала въ дверяхъ и внимательно, и печально разсматривала своего молочнаго сына съ бородой и усами, такого обдерганнаго и лохматаго, съ остановившимися въ глазахъ слезами...

— Ненаглядный ты мой, касатикъ, соколъ мой ясный, Григорій Петровичъ! Вѣдь выкормила я тебя!.. Не привелъ Богъ родной матери, такъ хоть я на тебя погляжу!..—жалобно начала она. Но Сергѣй вышелъ изъ терпѣнія:

— Замолчи! Еще ты начнешь каркать? Маршъ! Чортъ знаетъ... Пріѣхалъ отдохнуть, а вмѣсто этого всю душу измотаютъ... Точно на кладбищѣ себя чувствуешь... Право... Есть у васъ водка?

— Посмотри въ буфетѣ... Кажется, осталось тамъ, въ графинѣ...

— Ничего не осталось!—съ сердцемъ захлопнувъ дверцу буфета, пробасилъ подпоручикъ и сѣлъ.

Тихо стало за столомъ. Старикъ сердился на Сергѣя, но сдерживалъ свое негодованіе. Онъ опустилъ глаза на полъ и только покрякивалъ и пыхтѣлъ. Григорій курилъ папироску и искоса посматривалъ на брата. Грубая, неинтеллигентная физіономія; что-то фельдфебельское отпечаталось на этомъ лицѣ, и было трудно примириться

съ фактомъ, что это и есть Сережа, тотъ самый гимназистъ, старшій братъ, другъ и товарищъ, съ которымъ въ далекомъ дѣтствѣ они имѣли столько общихъ радостей и печалей... Совсѣмъ чужой человѣкъ, далекій, внушающій антипатію...

— А ты, Григорій, худой какой! Кашляешь...—замѣтилъ отецъ.

— Да. Ничего, это пройдетъ,—отвѣтилъ Григорій.

— Продуло,—хмуро бросилъ Сергѣй и, вставъ со стула, началъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ и насвистывать: «Я—цыганскій баронъ».

— Сергѣй! Если хочешь свистать, уйди въ залу... Я тебя просилъ,—тихо, но раздраженно сказалъ отецъ.

— Вотъ еще, какія нѣжности при нашей бѣдности... Скажите, пожалуйста!.. Можемъ уйти-съ...

Онъ ушелъ и продолжалъ свистать. А за окномъ тоскливо вторилъ ему вѣтеръ, и иногда трудно было разобрать: буранъ это или подпоручикъ выводитъ тоскливыя нотки.

— Ты, Гриша, усталъ вѣдь съ дороги?.. Ты ложись здѣсь на софѣ, здѣсь тепло, четырнадцать градусовъ... Дверь въ залу затвори, чтобы тепло не уходило... А я сплю

все на старомъ мѣстѣ... И все тамъ осталось по старому, какъ было при матери... И зеркало ея осталось на столикѣ. Пусть стоитъ! Эхе-хе. Худой ты какой! Сергѣй вонъ плотный, какъ стальной, а ты—плохой... Тебѣ надо отдохнуть, бросить всѣ эти глупости, успокоиться... Что толку? Пора и къ пристани, Гриша! Мать передъ смертью сказала: если вернется Гриша, скажи, что я ему прощаю... Да! Ну, спи! Завтра поговоримъ, ты усталъ...

Въ спальнѣ у Петра Трофимовича горѣла лампадка. Лежа въ постели съ закрытыми глазами, старикъ былъ полонъ тихой грусти и радости, и сознаніе, что теперь Григорій вернулся и спитъ тутъ, рядомъ, какъ-то успокаивало, баюкало его, и онъ отдувался, и улыбка время отъ времени скользила по старому лицу. Но Григорій кашлялъ, и это портило настроеніе тихой радости и успокоенія. Этотъ кашель, такой сиплый и безсильный, отдавался прямо въ сердцѣ старика, тревога прокрадывалась въ его душу, и не было силъ заснуть... «Вылитая мать!» мысленно повторялъ Петръ Трофимовичъ, вспоминая выраженіе глазъ Григорія, и въ мозгу его снова всплывали воспоминанія объ умершей два года тому назадъ женѣ, о ея привычкахъ, о послѣд-

нихъ минутахъ жизни—и тогда старикъ ворочался въ большой и широкой постели и все ему казалось, что онъ лежитъ неудобно...

И Григорію тоже не спалось. Онъ испытывалъ такое ощущеніе, словно долго-долго все куда-то шелъ, и путь былъ такой утомительный, а когда онъ, усталый и измученный, прилегъ отдохнуть, то, оглянувшись кругомъ, къ своему удивленію, увидѣлъ, что онъ лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда вышелъ въ дорогу...

Въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ теперь Григорій, когда-то была дѣтская, а на мѣстѣ софы, на которой онъ теперь спалъ,—кроватка Гриши... Все это было очень давно, но теперь прошлое какъ-то сократилось, прожитые годы казались такими маленькими и мелькали въ памяти, какъ дни, и Григорію казалось, что онъ только уѣзжалъ куда-то по дѣлу и опять пріѣхалъ... Такъ мягко, тепло и удобно было лежать на софѣ; казалось, что вся усталость, скопившаяся за время всей прожитой жизни, теперь уходила куда-то назадъ, и на душѣ прояснялся покой и миръ... Прислушиваясь къ тиканью часовъ и къ пѣснямъ зимней метели за окномъ, Григорій тоже улыбался, какъ выздоравливающій больной, въ

которомъ пробуждается трепетъ безсознательной радости жизни... Похоже на то, что Григорій дѣйствительно причалилъ къ пристани, бросилъ якорь... Онъ усталъ, невыносимо усталъ жить этой нервной, полной безчисленныхъ превратностей и терзаній жизнью интеллигентнаго пролетарія, усталъ отъ безполезныхъ, никому ненужныхъ страданій, отъ лжи и фарисейства, въ которыхъ тонетъ культурный человѣкъ, усталъ отъ надоѣвшихъ безполезныхъ споровъ, больныхъ самолюбій, взаимныхъ непониманій и оскорбленій... А, можетъ быть, онъ ушелъ теперь и отъ сознанія, страшнаго сознанія своей ненужности, этого итога прожитой жизни... Теперь онъ никуда не принадлежитъ, не задается никакими принципіальными планами и задачами жизни... Теперь онъ просто больной и усталый человѣкъ, который хочетъ покоя и отдыха. Здѣсь онъ возьметъ клочокъ земли и будетъ работать и жить просто, безъ всякихъ плановъ, какъ живутъ милліоны людей... Чѣмъ гордиться? Какъ считать себя предназначеннымъ къ какой-то особой высокой миссіи, если въ результатѣ получилась одна усталость и сознаніе своего безсилія и ненужности? Онъ будетъ теперь жить на своемъ клочкѣ земли, и пусть его

оставятъ въ покоѣ... Онъ останется съ глазу на глазъ съ природой, съ ея ясными и непреложными законами, съ ея собственной справедливостью, красотой и правдивостью, отдыхая отъ всякихъ мукъ, сомнѣній, ссоръ и всей этой безсмысленной сутолоки... У него болитъ грудь, истрепаны нервы, нѣтъ вѣры въ необходимость страданій... Онъ будетъ отдыхать... Уфъ!

Приступъ кашля, сиплаго и настойчиваго, оборвалъ тихія думы Григорія. Онъ долго не могъ остановить этотъ кашель и усталъ, когда онъ прекратился.

— Ты все кашляешь...

Григорій раскрылъ глаза и увидѣлъ отца: онъ стоялъ въ дверяхъ, завернувшись въ пестрое одѣяло, со свѣчой въ рукахъ.

— Надо выпить воды съ вареньемъ, тогда стихнетъ.

— Не безпокойся... Теперь прошло...

Старикъ, гремя посудой, порылся въ буфетѣ, принесъ изъ своей комнаты графинъ съ водой и, сдѣлавъ питье, подалъ сыну.

— Вотъ... Выпей! Помогаетъ... У меня былъ кашель, ужасный кашель, такъ я только этимъ и спасался...

И пока Григорій пилъ, старикъ смотрѣлъ ему въ лицо и думалъ: «Вылитая

мать!» Потомъ онъ подсѣлъ на софу, въ ногахъ у Григорія, и сказалъ:

— Не спится что-то... Все думаю о томъ, о семъ... какъ это все устроится... Я думаю тебѣ здѣсь сдѣлать кабинетъ,—ты любишь почитать и пописать,—а столовую можно перенести рядомъ... Здѣсь тепло, а ты все кашляешь. Теперь ужъ отдыхай, береги здоровье, можетъ быть, еще все устроится. Дѣла у меня пошатнулись, а все-таки, если жить экономно и осмотрительно, то прожить можно, проживемъ... да! Вотъ только бы Богъ помогъ намъ развязаться съ мерзавцемъ Виноградовымъ... Я взялъ у него подъ вторую закладную... Бѣда нынче нашему брату, хозяину... да! Однихъ процентовъ я выплачиваю этому подлецу до пятисотъ рублей ежегодно... А имѣніе всего-то въ хорошій годъ даетъ полторы тысячи... Горки мы вѣдь давно ужъ продали этому мерзавцу за безцѣнокъ...

Потомъ старикъ сталъ подробно разсказывать, какъ они разорились и, упоминая о Виноградовѣ, всегда прибавлялъ къ нему «подлецъ» или «мерзавецъ».

— Если я умру, будьте съ нимъ осторожнѣй, не довѣряйте, Боже васъ избави! Я ничего съ собой не возьму, все останется вамъ съ Сергѣемъ. Сергѣй все-таки на но-

гахъ, а тебѣ надо будетъ крѣпче держаться за имѣніе. Надо подняться. Можетъ быть, со временемъ, ты зарекомендуешь себя предъ начальствомъ, поправишь свою репутацію и можно будетъ поступить на службу... Все это возможно. Бывали случаи. Хорошо бы—въ земскіе начальники!..

Григорій слушалъ и молчалъ, но когда старикъ началъ говорить о поправленіи репутаціи и о поступленіи въ земскіе начальники, то нетерпѣливо произнесъ:

— Ахъ, оставь, отецъ! Все это—неисполнимые проекты...

— Что же, ты вѣдь ничего не укралъ, никого не ограбилъ... Ты только потерялъ въ жизни маякъ... да! А теперь ты его нашелъ. Не всякое лыко въ строку. Бывали случаи. Не надо отчаиваться, Григорій... Вотъ ты кашляешь,—это нехорошо...

Григорію хотѣлось сказать, что онъ ни въ чемъ не раскаивается и что никакого маяка не нашелъ еще въ жизни, что онъ не желаетъ поправлять свою репутацію и ни передъ кѣмъ не хочетъ себя зарекомендовывать. Но зачѣмъ? Только обидишь старика, потому что онъ не пойметъ. Пусть думаетъ и говоритъ, что хочетъ и что думаетъ...

— Поживешь тутъ смирненько, безъ всякихъ такихъ идей... Поможешь мнѣ ве-

сти хозяйство. Одному трудно. Народъ теперь—вольница; кричатъ, что онъ голодаетъ, а онъ пьянствуетъ... Звѣрье дикое, грубое!.. Берутъ задатки и бѣгутъ, и ничего не подѣлаешь... Что тамъ ни говори, а рано дали ему свободу. Покуда волкъ ручнымъ не станетъ, его нельзя спускать съ цѣпи... А за этихъ лѣнтяевъ и пьяницъ мечтатели себя губятъ. Вотъ поживешь,—увидишь! А когда я умру, и ты самостоятельно будешь вести хозяйство,—ты не разъ вспомнишь отца. Я тебѣ говорилъ это и раньше... И вотъ, что изъ всего этого вышло: потеряна карьера, ты кашляешь... Я тебѣ всегда говорилъ. Мы съ матерью не желали тебѣ худа... Ну,что жъ... Теперь какъ-нибудь все это устроится... Не надо отчаиваться. Мать сказала: если вернется Гриша, скажи ему, что я прощаю... да! Ну, Богъ съ тобой. Спи! Я тебѣ все мѣшаю... Эхе-хе! Мечтатели!..

Старикъ покачалъ головой и пошелъ. Григорій смотрѣлъ ему вслѣдъ недоумѣвающими глазами и, когда старикъ исчезъ за дверью, вздохнулъ и закрылъ глаза. Онъ вдругъ страшно усталъ; что-то стало тяготить его душу, и исчезло прежнее настроеніе, будто онъ, наконецъ, пришелъ... За окномъ бѣсновалась вьюга, и это безпокоило Григорія, словно ему предстояло идти ку-

да-то дальше въ эту вьюгу, по какому-то важному дѣлу, и словно онъ прилегъ здѣсь только отдохнуть на перепутьи и говорилъ сейчасъ не съ отцомъ, а съ хозяиномъ постоялаго двора, гдѣ остановился.

II.

Было морозное, веселое утро. Иней сверкалъ на солнцѣ, и снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами и казался такимъ бѣлымъ, что слѣпилъ глаза. Всѣ печи въ жилыхъ постройкахъ хутора топились, и дымъ поднимался надъ нимъ высокими фіолетовыми столбами. Въ Горкахъ, которыя Петръ Трофимовичъ продалъ мерзавцу Виноградову, былъ храмовой праздникъ, и старикъ поднялся очень рано и сталъ собираться въ Горки къ обѣднѣ. Онъ ѣздилъ туда каждое воскресенье, а на этотъ разъ хотѣлъ взять съ собой Сергѣя и Григорія, чтобы послѣ обѣдни отслужить панихиду на могилѣ Марьи Ѳеодоровны. Сперва старикъ разбудилъ Сергѣя, а будить Григорія медлилъ, жалѣлъ: «Пусть поспитъ еще немножко!» Сергѣй всталъ злой; ему было лѣнь подниматься съ теплой постели; поэтому онъ громко кашлялъ, плевался и дико кричалъ на Васильевну, какъ онъ привыкъ кричать на своего денщика.

— Дурища, эка дурища!—гремѣлъ его басъ на всѣ комнаты.—Ну! Живо!

Отъ этого крика проснулся и Григорій. И ему было лѣнь вставать, и онъ не поѣхалъ бы въ Горки, если бы не панихида по матери. Не поѣдешь—обидишь старика, потому что онъ придастъ этому особенный смыслъ и значеніе. Григорій сталъ одѣваться.

— Ты ужъ всталъ? Добре, добре!..—сказалъ отецъ, проходя мимо.—Ну, умывайся, да надѣвай сюртукъ,—добавилъ онъ, окинувъ Григорія бѣглымъ взглядомъ.

— У меня сюртука нѣтъ. Я думаю, — можно и въ этомъ...

Старикъ еще разъ обозрѣлъ Григорія и, вѣрно, ему что-нибудь не понравилось, потому что онъ сморщилъ брови.

— Надо сюртукъ. Ѣхать такъ неудобно. Послѣ панихиды мы проѣдемъ къ Виноградовымъ; тебѣ надо познакомиться, сдѣлать визитъ, потому что этотъ прохвостъ можетъ тебѣ пригодиться. Тебѣ надо какъ-нибудь подняться, поправить репутацію...

Григорій, котораго старикъ раздражалъ проектами исправленія репутаціи, закашлялся и, когда кашель утихъ, съ досадой сказалъ:

— Мерзавцы и прохвосты мнѣ не могутъ пригодиться. Можно обойтись безъ визита.

— Это все старая закваска!—отвѣтилъ старикъ и недовольно прибавилъ:

— А, впрочемъ, твоя воля... Я тебѣ, Григорій, худа не желаю... Какъ хочешь, только послѣ не пеняй...

— Не буду пенять,—повѣрь ужъ!..

Вошелъ Сергѣй. Онъ былъ въ парадной формѣ, съ эполетами на приподнятыхъ плечахъ, съ выпяченной колесомъ грудью, съ перетянутой серебрянымъ кушакомъ таліей и съ густо нафабренными и закрученными въ струнку усами, которые издали были похожи на два сложенныхъ шляпками гвоздя.

— Шапку!—закричалъ онъ громовымъ голосомъ, и когда перепуганная Васильевна впопыхахъ прибѣжала и подала ему шапку,—перекинулъ лакированный ремень ея черезъ плечо и спросилъ Григорія:

— А ты что, въ этомъ обдергайчикѣ развѣ поѣдешь?

— Въ обдергайчикѣ.

— Мило! У Виноградовыхъ тебя примутъ за нашего лакея!

— Я къ Виноградовымъ не собираюсь.

— Да въ церковь—неудобно! Тамъ бываютъ порядочные люди...

Григорій ухмыльнулся, но промолчалъ; онъ бросилъ на брата ироническій взглядъ и подумалъ: «Настоящій фельдфебель».

У крыльца топталась малорослая вятская лошадка, такая кругленькая, сытая и сильная. Время отъ времени она кому-то кланялась, позванивая привязанными къ уздѣ бубенчиками, и тогда казалось, что гдѣ-то сыплется дождь изъ мелодичныхъ колокольчиковъ. Никаноръ похаживалъ около кошевки и покуривалъ папироску, ожидая выхода господъ. На немъ былъ сѣрый пиджакъ на ватѣ и картузъ мѣщанина на головѣ; только большія рукавицы, которыми Никаноръ похлопывалъ, чтобы согрѣть руки, да валеные сапоги съ краснымъ горошкомъ изобличали мужика. Снѣгъ хрустѣлъ подъ этими громадными валенками, и гигантскіе слѣды отпечатывались около санокъ.

Сергѣй стоялъ у окна и смотрѣлъ на лошадку Никанора. Онъ слегка барабанилъ по стеклу пальцами и пристукивалъ каблукомъ своего лакированнаго сапога. Ему хотѣлось еще поговорить съ братомъ на ту же тему, но не подвертывалось подходящаго повода.

— Удивительное дѣло,—сказалъ онъ, наконецъ, какъ бы размышляя и ни къ кому

не обращаясь.—Удивительное дѣло: мужики стараются походить на господъ, а господа—на мужиковъ. Все шиворотъ навыворотъ!.. Что мужикъ старается вылѣзть изъ мужиковъ—мнѣ это понятно, всякому хочется подняться, а что вотъ нѣкоторые господа лѣзутъ въ мужики и стараются сдѣлаться мужиками,—этого, ей Богу, никакъ въ толкъ не возьму!..

«Выстрѣлилъ!» подумалъ Григорій, но не отвѣтилъ на вызовъ. Очевидно, этотъ выстрѣлъ былъ направленъ въ Григорія: вчера онъ размечтался и вскользь подѣлился своимъ намѣреніемъ взять клочокъ земли и жить, какъ живутъ милліоны людей. Не стоило говорить, потому что они не въ состояніи понять внутренній смыслъ такого рѣшенія. Отецъ появился во фракѣ и въ большихъ, громыхающихъ по полу калошахъ.

— Готовы? А ты, Григорій, все-таки въ этомъ...

— Въ обдергайчикѣ,—отвѣтилъ за брата Сергѣй.

— Я не поѣду,—сказалъ Григорій.

— Твое дѣло, твое дѣло...—недовольно бросилъ на ходу старикъ и пошелъ, и было слышно, какъ онъ сердито хлопнулъ гдѣ-то дверью.

Они уѣхали. Григорій остался одинъ. Вошла Васильевна и сказала:

— А ты, Григорій Петровичъ, не поѣхалъ на могилку къ мамашѣ?

И въ ея голосѣ послышался упрекъ и обида.

— Сколько слезъ за тебя мамаша-то пролила!.. Какъ она убивалась за тебя!.. Не грѣхъ бы тебѣ за нее помолиться... Охо-хо! Прости намъ окаяннымъ, Господи!—вздохнувши, закончила Васильевна и вышла, печальная и задумчивая.

Григорій долго и упорно ходилъ по комнатамъ, и въ мозгу его совершалась какая-то торопливая, но безсознательная тревожная работа.

Чего-то недоставало, словно онъ потерялъ что-то или съ нимъ случилось что-то очень скверное, но что именно потерялъ или что случилось—было непонятно. И это его безпокоило, и безпокойство все росло, росло, и весь организмъ заполнялся какой-то тоской и отчаяніемъ, и онъ не находилъ мѣста въ этомъ большомъ домѣ, гдѣ онъ родился... Присѣвъ на диванъ, въ залѣ, Григорій взялъ со стола альбомъ съ фотографическими портретами и отыскалъ мать: на карточкѣ она была снята молодой, съ двумя дѣтьми: Сергѣй стоялъ, а Григорій,

такой полненькій съ голыми ножками карапузъ, сидѣлъ на рукахъ у матери съ удивленно вытаращенными глазами... Долго Григорій смотрѣлъ на этотъ портретъ, и какія-то смутныя воспоминанія начинали бродить въ его памяти, а со дна души поднималось сожалѣніе о чемъ-то потерянномъ и невозвратномъ... И чѣмъ больше Григорій смотрѣлъ, тѣмъ больше прояснялись эти воспоминанія, и одинъ моментъ показалось, что Григорій даже помнитъ, какъ ихъ снимали... Но, конечно, то былъ обманъ воображенія, потому что этому карапузу съ голенькими ножками, перетянутыми у ступней ниточкой, было не больше трехъ лѣтъ... Григорій смотрѣлъ на молодую мать, и ему не хотѣлось вѣрить, чтобы мама, съ такими добрыми и ласковыми глазами, съ такой любящей, полной материнскаго счастья улыбкой на лицѣ, не могла понять, что онъ, Григорій,—былъ только честнымъ человѣкомъ и что онъ не виноватъ ни въ чемъ передъ ними. Григорій думалъ, что только одна мать могла бы, можетъ быть, понять теперь, какъ и почему все такъ случилось съ нимъ, и если не понять, то повѣрить, что онъ всю жизнь отдалъ людямъ и что теперь онъ усталъ и обезсилѣлъ, что у него болитъ грудь и больше нѣтъ силъ скитать-

ся... Вынувъ изъ кармана пиджака носовой платокъ, онъ приложилъ его къ глазамъ и порывисто вскочилъ съ мѣста...

Въ полдень пріѣхали изъ Горокъ отецъ съ Сергѣемъ. На лицѣ старика была торжественность и то особое выраженіе серьезности и умиленія, которое запечатлѣвается обыкновенно на лицѣ вѣрующаго человѣка при совершеніи религіозныхъ таинствъ и обрядовъ. Онъ ходилъ тихо, словно носилъ въ рукахъ что-то хрупкое, голову держалъ прямо, и какая-то тайная высокая дума, казалось, не покидала его даже тогда, когда онъ сѣлъ за обѣдъ. Онъ былъ молчаливъ и смотрѣлъ куда-то далеко, словно не видѣлъ сидѣвшихъ противъ него Сергѣя и Григорія.

Сергѣй былъ румянъ, бодръ и веселъ, и, казалось, жизнь играла въ этомъ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ. Онъ былъ очень доволенъ собой: въ бѣдномъ сельскомъ храмѣ, гдѣ молились все темные и пугливые люди, появленіе Сергѣя было цѣлымъ событіемъ; блестящая форма заставляла эти темныя головы предполагать въ Сергѣѣ очень важную и крупную особу, вродѣ исправника или даже губернатора, и когда Сергѣй звонко прищелкивалъ шпорами по каменному полу церкви, то всѣ торопливо сторони-

лись, разступались и, давая ему дорогу, шептали сосѣдямъ: «Пропусти, али не видишь?» Впереди, вблизи клиросовъ, стояла чистая публика: мужчины—направо, женщины—налѣво; налѣво пестрѣло нѣсколько шляпокъ съ яркими цвѣтами, и Сергѣй не разъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что всѣ шляпки повертываются въ его сторону и что женщины въ шляпкахъ заботятся о собственномъ впечатлѣніи на Сергѣя, лишь только онъ по-орлиному повернетъ голову налѣво... Его отмѣтили даже священнослужители: для него была нарушена привилегія станового пристава первымъ приложиться къ кресту и поздороваться съ батюшкой, а дьячокъ, съ похожей на хвостикъ косичкой позади, подавая Сергѣю просфору на блюдцѣ, подобострастно улыбнулся и сказалъ: «Съ праздникомъ, ваше высокоблагородіе», и всѣ это слышали, а становому не понравилось...

Обѣдъ былъ торжественный. Сперва Васильевна подала кутью, чтобы помянуть покойницу, Марью Ѳеодоровну. Отецъ перекрестился и осторожно съ благоговѣніемъ съѣлъ нѣсколько ложекъ этого символическаго кушанья. Сергѣй тоже съѣлъ нѣсколько ложекъ съ почтеніемъ, а потомъ наложилъ себѣ кутьи на тарелку и сталъ

ѣсть, какъ кашу. Отецъ взглянулъ въ сторону Григорія, и тому показалось, что старикъ хотѣлъ посмотрѣть, ѣстъ ли Григорій кутью. Григорій чувствовалъ къ кутьѣ брезгливость; она осталась у него съ дѣтства и появилась послѣ того, какъ законоучитель въ гимназіи объяснилъ значеніе кутьи такъ: «Зернышекъ много,—и покойниковъ много, изюминки сладки,—и покойничкамъ тамъ сладко». Чтобы не обидѣть, однако, отца, Григорій взялъ вилку и, отбрасывая въ сторону изюминки, сталъ ѣсть одни рисовыя зерна.

— Это не игрушка!—недовольно сказалъ старикъ и отодвинулъ блюдо съ кутьей отъ Григорія.

— По-ихнему, папаша, все это одна комедія и предразсудки!—насмѣшливо пробасилъ Сергѣй и, проглотивъ послѣднюю ложку своей порціи кутьи, вытеръ усы салфеткой и весело сказалъ:

— А теперь можно раздавить и чепурышечку!

И выпивъ рюмку водки, онъ съ удовольствіемъ пустилъ «брр!».

Григорій сидѣлъ за столомъ и чувствовалъ себя неловко и натянуто, словно онъ и въ самомъ дѣлѣ въ чемъ-то провинился передъ этими людьми. Еще онъ чувствовалъ,

что отецъ съ Сергѣемъ говорили между собою о немъ, Григоріи, и въ чемъ-то оказались согласны, солидарны другъ съ другомъ. По временамъ они обмѣнивались взглядами, по временамъ отецъ исподлобья взглядывалъ на Григорія, и въ этомъ взглядѣ Григорій улавливалъ, кромѣ недружелюбія, еще озабоченность и безпокойство. Можетъ быть, отецъ опять говорилъ о немъ со становымъ...

— Тебѣ, Григорій, не мѣшало бы остричься, космы отросли, какъ у дьячка!—сказалъ старикъ, между прочимъ, кончая обѣдать.

— Это, братецъ, теперь ужъ вышло изъ моды,—замѣтилъ Сергѣй, отдуваясь отъ излишка принятой пищи. — Нигилисты нынче подтянулись: стригутся «подъ польку» и не носятъ красныхъ рубахъ.

И, сказавъ это, Сергѣй бросилъ взглядъ на отца съ такимъ выраженіемъ, когда человѣкъ бываетъ убѣжденъ, что встрѣтитъ поддержку.

— Оставьте меня въ покоѣ!—крикнулъ Григорій. Въ его голосѣ зазвенѣла злоба, и онъ сталъ кашлять. Этотъ кашель встряхивалъ все это тощее тѣло, и, казалось, что въ груди у Григорія что-то сидитъ и держится когтями, а онъ всѣми силами лег-

кихъ старается выбросить это «что-то» вонъ и никогда не выброситъ...

За вечернимъ чаемъ они сидѣли молча и тяготились другъ другомъ. Отцу нездоровилось: онъ кряхтѣлъ, и на лицѣ его было такое выраженіе, словно ему бередили незажившую рану. Сергѣй читалъ «Новое Время», звонилъ чайной ложечкой о стекло стакана и время отъ времени произносилъ «хм!».

— Я всѣхъ бы ихъ перевѣшалъ, и дѣлу конецъ!—вслухъ подумалъ онъ, отбросивъ газету и принимаясь за чай.

— Кого ты это?—хмуро спросилъ отецъ.

— Жидовъ. Началъ бы съ этого самаго Дрейфуса и кончилъ послѣднимъ пархатымъ жидомъ.

— А что?

— Помилуйте! Изъ-за одного какого-то, съ позволенія сказать, паршиваго жида трясется все государство, оскорбляется честь арміи! Повѣсить на первую осину, и дѣлу конецъ! Хм!.. А ты, милѣйшій, чему же смѣешься?—вызывающе обратился вдругъ онъ къ Григорію, замѣтивъ на лицѣ того ироническую улыбку.

— Слишкомъ ужъ ты строгъ, хотя и несправедливъ... Если бы тебя, Сергѣй, неожиданно сдѣлали, какъ Санчо Панса, гу-

бернаторомъ какого-нибудь острова, то, навѣрное, тамъ скоро не осталось бы жителей...

— А я думаю, братецъ, что и такихъ, какъ ты, Донъ-Кихотовъ ставить къ дѣлу не годится...

— И это правильно!—спокойно отвѣтилъ Григорій.— Такіе Донъ-Кихоты, какъ я, не годятся даже на пушечное мясо...

Сергѣй вспыхнулъ.

— Это пушечное мясо, милѣйшій, проливаетъ кровь за отечество, не щадитъ своего живота, а не мѣшаетъ помнить, что сказано: нѣтъ выше подвига, какъ положить душу за други своя... Вотъ что, братецъ!

— Ты говоришь такъ, словно ужъ не пощадилъ живота и положилъ душу,—замѣтилъ Григорій, и ему стало такъ смѣшно и весело, что онъ громко расхохотался. —И потомъ, Сергѣй, это сказано про душу, а не про животы... Придетъ время, когда не надо будетъ такъ безпощадно относиться къ своимъ и чужимъ животамъ, и тогда... тогда вамъ нечего будетъ класть!

Сергѣй вскочилъ со стула и, стукнувъ по столу кулакомъ, закричалъ дико:

— Прошу со мной не шутить! Я могу забыть, что ты мой братъ!..

Съ этими словами Сергѣй вышелъ въ

залъ, захлопнулъ дверь за собой такъ сильно, что чайная посуда на столѣ вздрогнула. Григорій сидѣлъ съ недоумѣвающей улыбкой на лицѣ и смотрѣлъ какъ-то себѣ въ бороду. Отецъ покрякивалъ и насупилъ брови. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи, а потомъ старикъ началъ:

— Григорій! Я тебя попросилъ бы не разводить передъ нами нигрализма и атеизма,—это во-первыхъ! А во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, не оскорблять насъ съ Сергѣемъ своими неумѣстными шуточками. Я слишкомъ старъ, чтобы служить для нихъ мишенью, а Сергѣй, какъ никакъ, представитель русскаго дворянства, отъ котораго ты открещиваешься, и... русской арміи... да! Я долженъ тебѣ сказать...

Григорій смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на отца и не зналъ, вѣрить ли своимъ ушамъ. Онъ и не замѣтилъ, какъ нанесъ столь тяжкія оскорбленія отцу и брату!.. Оперши голову на руки, Григорій слушалъ, какъ плавно, методично, словно дождевая вода съ крыши, лилась обличительная рѣчь старика, и въ тактъ словамъ и удареніемъ поматывалъ головою, словно соглашался во всемъ...

— Ты мнѣ писалъ, что усталъ нрав-

ственно и физически, и я думалъ, что ты наконецъ образумился, бросилъ свои разныя этакія идеи и хочешь успокоиться и жить, какъ живутъ всѣ благоразумные, честные люди... А ты, оказывается, вовсе не думалъ уставать и намѣренъ воспользоваться моимъ приглашеніемъ для своихъ соціальныхъ затѣй, хочешь что-то тамъ учредить на моей землѣ... Тебя не останавливаетъ ни благородное происхожденіе, ни то, что мать простила тебѣ передъ смертью всѣ твои гадости, ни болѣзнь твоя, ни мысль, что когда-нибудь надо же взяться за честное дѣло... Я тоже усталъ, дѣйствительно усталъ, и нравственно, и физически... Я старъ и, кто знаетъ, дни мои, можетъ быть, сочтены... Хоть бы предъ гробомъ-то ты... пожалѣлъ... да... меня...

Голосъ старика изъ методичнаго и сухого сдѣлался вдругъ нервнымъ, задрожалъ, глаза стали моргать, а ввалившіяся въ беззубый ротъ губы—конвульсивно кривиться.

— Сколько горя мы уже пережили черезъ тебя, Григорій! Если бы собрать всѣ слезы, которыя мы... съ матерью...

Старикъ махнулъ рукой, замолчалъ и сталъ всхлипывать, какъ ребенокъ послѣ продолжительнаго плача. Когда Григорій

слушалъ методическую рѣчь, на его лицѣ вспыхивали красныя пятна, и въ душѣ закипало негодованіе; по временамъ ему хотѣлось зло расхохотаться прямо въ лицо старику или оборвать его дикія слова и оскорбленія крикомъ «замолчи!» и стукнуть кулакомъ по столу, какъ это сдѣлалъ давеча Сергѣй, — но когда Григорій услышалъ эти всхлипыванія, и когда увидалъ моргающіе глаза и искривленныя губы,-- то онъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно беззащитнымъ, и ему самому захотѣлось плакать, но не было слезъ, а было только трудно дышать, не хватало воздуха, и что-то давило на мозгъ... А старикъ все всхлипывалъ, голова его, съ голымъ теменемъ и съ клочьями сѣдыхъ волосъ, тряслась на рукахъ, и плечи вздрагивали...

Григорій соскочилъ вдругъ со стула и, приблизившись къ отцу сзади, обнялъ рукой его шею и, перекинувшись черезъ плечо, сталъ цѣловать его колючую, мокрую и соленую отъ слезъ щеку.

— Перестань, отецъ! Успокойся... Мы не можемъ только понять другъ друга. Я, отецъ,—не злой человѣкъ... Нѣтъ... Я ни въ чемъ не виноватъ... Что горя я причинилъ вамъ много—это такъ, правда!.. Ну за это прости меня, какъ мать!.. Я не виноватъ...

Нѣтъ...—говорилъ Григорій и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ...

— Богъ съ тобой, Григорій! Мы... съ матерью не могли тебѣ желать худа... да!.. Мы знали, что сердце у тебя доброе... но тебя смутили... эти... Будь они прокляты!—со стономъ выкрикнулъ старикъ и какъ-то трагически погрозилъ въ пространство кому-то пальцемъ.

Вошелъ Сергѣй, онъ услыхалъ плачъ отца и весь кипѣлъ негодованіемъ.

— Развѣ у нихъ сердце, папаша? Хм... Они не признаютъ брака, а слѣдовательно не могутъ чувствовать и сыновней любви, жалости къ отцу... У нихъ «вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли...» А насчетъ собственности у нихъ: «Что мое, то мое, а что твое,—тоже мое!»

Григорій отошелъ въ сторону. Онъ мелькомъ взглянулъ на брата, и взглядъ этотъ былъ безстрастенъ и безразличенъ, словно Григорій видѣлъ предъ собою не Сергѣя, а такъ, какой-то неодушевленный предметъ... Онъ тихо пошелъ прочь, съ опущенной головой, и въ походкѣ его, какъ и во всей фигурѣ, было что-то беззащитное и безвыходное.

III.

Григорій ходилъ по своей комнатѣ и курилъ папироску за папироской. Чтобы не мѣшать прихворнувшему отцу спать, онъ снялъ ботинки и ходилъ въ однихъ чулкахъ. Шаги его мягко и глухо отдавались въ тишинѣ ночи и заставляли чуткую Васильевну прислушиваться и безпокоиться: она не могла понять, гдѣ ходятъ, и, по обыкновенію, предполагала воровъ на подволокѣ, гдѣ у нихъ стоитъ сундукъ съ разнымъ хламомъ.

Ночь была лунная и тихая. Снѣгъ блисталъ синими огоньками, и въ комнатѣ дрожалъ мягкій голубоватый отблескъ луннаго сіянія. Было такъ тихо въ домѣ и на дворѣ, что казалось, будто снѣгъ подъ ногами карауливщаго хуторъ мужика хруститъ въ комнатахъ, а протяжный звонъ колокола Горской церкви, отбивавшаго «часы», слышался такъ ясно и отчетливо, словно церковь стояла на дворѣ, а не въ Горкахъ, за четыре версты отъ хутора... Когда Григорію надоѣло ходить взадъ и впередъ, онъ подходилъ къ окну и смотрѣлъ на лунную ночь... Тамъ было такъ спокойно и тихо, словно всѣ люди на землѣ умерли и остал-

ся одинъ только онъ, Григорій, да этотъ лунный свѣтъ, такой странный и загадочный... Ночь точно о чемъ-то думала. Казалось, она что-то знаетъ, но хранитъ втайнѣ и никогда не скажетъ того, что она знаетъ... Быть можетъ, она думаетъ о людяхъ и жалѣетъ этихъ несчастныхъ пигмеевъ, устроившихъ себѣ адъ на землѣ въ ожиданіи рая на небѣ, гдѣ теперь безстрастно и величаво остановилась луна...

Дверь въ залъ раскрыта; на полу легли тѣни отъ переплета оконныхъ рамъ; въ углу стоятъ старыя забытыя клавикорды... На этихъ клавикордахъ мать играла когда-то «Молитву дѣвы»; когда, на-дняхъ, Сергѣй началъ играть на этихъ клавикордахъ, то они словно заплакали и закашляли проволокой... И все-таки они стоятъ и стоятъ, а матери, которая играла на нихъ «Молитву дѣвы», нѣтъ. Да, матери нѣтъ... И того Сережи, гимназиста, съ которымъ въ дѣтствѣ они жили душа въ душу, жили одной жизнью и понимали другъ друга съ полуслова — тоже нѣтъ... Онъ исчезъ безслѣдно, и, кажется, что его подмѣнилъ кто-то большимъ и грубымъ человѣкомъ, который кричитъ, стучитъ, говоритъ: «Ну-ка, раздавимъ чепурышечку!» и насвистываетъ: «Я—цыганскій баронъ»... И отца

нѣтъ, предъ которымъ онъ когда-то благоговѣлъ, и каждому слову котораго вѣрилъ... И никого нѣтъ на свѣтѣ, кто бы понялъ, какъ онъ усталъ и какъ болитъ у него грудь... Отъ этого одиночества жутко и холодно и никуда отъ него не уйдешь, потому что оно, какъ тѣнь, идетъ по слѣдамъ...

Григорій прилегъ на софу. У него закружилась голова, можетъ быть отъ думъ, какъ вихрь, кружащихся въ мозгу, а можетъ быть просто отъ долгаго хожденія по комнатѣ. Когда онъ закрылъ глаза, то ему чудилось, что софа, вмѣстѣ съ его тѣломъ, двигается плавно и безшумно, какъ лодка по тихой водѣ. И опять ему казалось, что онъ все время куда-то ѣхалъ, потомъ остановился немного отдохнуть и опять поѣхалъ дальше... Куда? Это неясно... А когда онъ уснулъ, то ему приснился глупый сонъ, будто онъ летаетъ на этой самой софѣ по воздуху и нигдѣ не можетъ остановиться, потому что, какъ только софа начнетъ опускаться на землю, появляется откуда-то Сергѣй, въ полной парадной формѣ, и кричитъ: «шашку!» — и тогда софа, покачавшись на мѣстѣ, опять поднимается и летитъ...

Утромъ онъ всталъ вялый, развинченный, и всѣ члены его болѣли, словно за

ночь его избили. Въ головѣ носился туманъ, знобило, и во рту ощущалась сухость. Первымъ дѣломъ онъ вытащилъ изъ-подъ софы свой чемоданъ, раскрылъ его и задумался. Въ этомъ положеніи его засталъ отецъ. Теперь старикъ ходилъ мягко, смотрѣлъ кротко, и въ глазахъ его свѣтилась добрая задумчивость.

— Сегодня я видѣлъ во снѣ нашу мать, — заговорилъ онъ и вздохнулъ.— Будто она пила съ нами чай и все торопилась... А когда я спросилъ ее, зачѣмъ она торопится, то она сказала, что пришла не надолго, чтобы повидаться съ тобой, Григорій! Да, съ тобой! А потомъ кто-то, — должно быть, ты — стукнулъ, и я проснулся...

Григорій задвинулъ чемоданъ подъ софу и сталъ ходить рядомъ съ отцомъ и все порывался о чемъ-то заговорить съ нимъ. Старикъ былъ съ нимъ ласковъ; онъ былъ увѣренъ, что Григорій вчера обнималъ его и цѣловалъ потому, что наконецъ раскаялся, и съ этимъ раскаяніемъ онъ связывалъ свой сонъ, который казался старику чрезвычайно знаменательнымъ...

— Тебѣ, можетъ быть, надо что-нибудь изъ бѣлья?—заговорилъ онъ, вспомнивъ, что засталъ Григорія за раскрытымъ чемо-

даномъ. — У тебя, вѣрно, какая-нибудь нехватка? Ты говори, не стѣсняйся. У меня есть лишнее. Покойная мать много нашила мнѣ всякой всячины, на всю жизнь мою хватитъ и еще останется... Нечего церемониться...

— Нѣтъ, не надо...

Григорій еще походилъ около отца молча, и наконецъ тихо сказалъ:

— Бѣлья не надо... Вотъ если бы ты далъ мнѣ рублей десять—пятнадцать на дорогу, я былъ бы тебѣ очень благодаренъ. Когда получу,—вышлю тебѣ...

Старикъ вопросительно посмотрѣлъ на Григорія и ничего не понялъ.

— Сегодня я, отецъ, думаю ѣхать,—пояснилъ Григорій, глядя въ землю.

— Куда?

— Да покуда въ Самару, а потомъ... посмотрю тамъ.

— Зачѣмъ?!

— Надо. Можетъ быть, найду тамъ какую-нибудь работу и устроюсь...

— Вотъ тебѣ и разъ! Самъ усталъ, кашляетъ, а самъ опять — работу! Ты что-то, Григорій, неладно думаешь... Можетъ быть, ты думаешь, что ты... какъ это сказать... что ты будешь мнѣ мѣшать или что при тебѣ будетъ лишній расходъ? Ты это

оставь, Григорій! Зачѣмъ предъ отцомъ гордиться?!.. Проживемъ какъ-нибудь...

И опять Григорій почувствовалъ какую-то безвыходность и не зналъ, какъ ему объяснить свое рѣшеніе уѣхать, чтобы не оскорбить и не огорчить старика, такъ нѣжно и кротко настроеннаго. Опять у Григорія стало тяжело на душѣ, и опять стало трудно дышать, и въ вискахъ застучало громко, какъ молотками по наковальнѣ...

— Я къ тебѣ пріѣду весной, а теперь... Надо ѣхать. Ты, пожалуйста, не сердись... Что же дѣлать? Никто не виноватъ тутъ, а просто я... не могу...

— Ну, что жъ... если не можешь, ничего не подѣлаешь. Я неволить не стану... да! А самъ говорилъ, что усталъ... Въ родномъ домѣ, гдѣ ты родился и воспитывался, около отца, въ деревнѣ — лучшаго отдыха, Григорій, не найдешь, помяни мое слово: не найдешь... Ну, что же?.. Опять я одинъ останусь... Сергѣй тоже уѣдетъ скоро—отпускъ у него кончится, и ты уѣдешь... Ты, можетъ быть, разсердился на то, что я вчера говорилъ? На отца не стоитъ сердиться... Можетъ быть, немножко лишняго я вчера сказалъ, погорячился...

— Нѣтъ, не въ томъ, отецъ, дѣло... Это пустяки... А такъ... Поѣду...

— Ну, что жъ... Денегъ я тебѣ дамъ. Мнѣ не жалко, когда есть... А когда ты поѣдешь?

— Сегодня...

— Какъ это у васъ все вдругъ, Григорій! Ни съ того, ни съ сего... Ужъ погостилъ бы, вмѣстѣ съ Сергѣемъ и поѣхали бы...

Когда отецъ упомянулъ о Сергѣѣ, Григорій отрицательно замоталъ головой и сказалъ:

— Намъ съ нимъ не по пути...

— Вотъ тебѣ и разъ! До станціи-то поѣхали бы вмѣстѣ,— я про то и говорю...

— Нѣтъ, отецъ, ужъ все равно... Скорѣй лучше...

— Жалко, жалко... Опять я одинъ... да!..

Весь день старикъ ходилъ какой-то задумчивый, сосредоточенный и печальный, и все вываливалось у него изъ рукъ, и все онъ кряхтѣлъ и съ тоской останавливалъ свои глаза на лицѣ Григорія, словно все хотѣлъ разгадать что-то, или хорошенько разсмотрѣть это лицо, въ которомъ было для него столько дорогого, близкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждаго и непонятнаго...

Сергѣй ходилъ съ холоднымъ презрѣніемъ, тоже сосредоточенный, держалъ руки въ карманахъ тужурки, узкой, плотно

обтянувшей его сзади, и насвистывалъ: «Я—цыганскій баронъ»; когда онъ проходилъ залъ до конца, то быстро повертывался на каблукахъ и, позванивая шпорами, опять шелъ... Сергѣй приписывалъ сборы Григорія въ отъѣздъ исключительно своему воздѣйствію и тому, что онъ стукнулъ кулакомъ по столу и сказалъ: «Я прошу со мной не шутить», но онъ предполагалъ, что братъ не уѣдетъ, и что онъ ломаетъ только комедію, желая, чтобы его упрашивали остаться. «Пусть извинится, больше никакихъ!» думалъ онъ и ждалъ, что вотъ-вотъ Григорій подойдетъ и начнетъ извиняться. Но Григорій медлилъ, и Сергѣй терялъ терпѣніе.

— Куда изволите собираться? — спросилъ онъ, останавливаясь около брата и выдѣлывая какія-то «па» ногами.

— Домой!—со вздохомъ отвѣтилъ Григорій, не обернувшись.

— Такъ-съ... А позвольте узнать, гдѣ у васъ домъ?

— Далеко. Отсюда не видать, — спокойно отвѣтилъ Григорій, крѣпко стягивая ремни чемодана.

— Такъ-съ... Однако, будетъ комедію ломать! Ты, вѣроятно, считаешь себя оскорбленнымъ? Я, Григорій, вынужденъ былъ

такъ отвѣтить... Если ты извинишься, я готовъ взять свои слова назадъ...—началъ Сергѣй снисходительнымъ тономъ.—Я, Григорій, поступилъ, какъ...

— Какъ «честный офицеръ», — докончилъ Григорій серьезно.

— Въ такомъ случаѣ — давай руку и развязывай чемоданъ!—довольно улыбаясь, пробасилъ Сергѣй.

Григорій руку подалъ, но чемодана развязывать не сталъ.

Послѣ обѣда, который прошелъ томительно, въ какомъ-то напряженномъ молчаніи, отецъ отозвалъ Григорія въ сторону и сказалъ: «Поди-ка ко мнѣ въ комнату на два слова».

— Ты, Григорій, можетъ быть, дѣйствительно, того... изъ-за ссоры съ Сергѣемъ хочешь уѣхать? Надо плюнуть. Онъ, вѣдь, грубъ и глупъ, ему извинительно. У нихъ у всѣхъ такія замашки: стучать, кричать и свистать... Ты ему извини ужъ! Не стоитъ на него обижаться. Ты поумнѣе и плюнь!

— Я и не обижаюсь... Я не потому... Нѣтъ! Надо все-таки ѣхать...

— То-то!.. Да... Такъ, можетъ быть, ты отложишь до завтра?

— Надо ѣхать, отецъ!.. Все равно ужъ... Скорѣе. Сегодня въ ночь.

— Ну, Богъ съ тобой! Какъ хочешь... да! Денегъ тебѣ надо. Вотъ, возьми четвертную!

— Много. Довольно пятнадцати.

— Ну, ну, полно! Что гордиться? Все-таки я тебѣ—отецъ, не чужой... Бери, бери! А то вконецъ обидишь меня... Умру—все ваше будетъ.

— Я разсчитываю получить... Вышлю тебѣ.

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, не дѣлай этого! Какіе съ отцомъ счеты?! Зачѣмъ гордиться!..

Васильевна ходила съ заплаканными глазами. Она жалѣла Григорія и думала, что его всѣ обижаютъ. Она нѣсколько разъ принималась на кухнѣ плакать и причитать, но, появляясь въ комнатахъ, не подавала виду: она помнила, какъ Сергѣй Петровичъ закричалъ «маршъ», когда она пожалѣла Григорія Петровича. А Григорій Петровичъ—мягкій, сердце у него ласковое и всякій его можетъ обидѣть, а заступиться некому,—нѣтъ родной матери...

Въ семь часовъ у крыльца стояла уже запряженная въ кошевку маленькая лошадка, и когда она, потряхивая головой, разсыпала колокольчики, то и у старика, и у Сергѣя, и у Григорія вздрагивало

сердце и дѣлалось грустно, грустно. Они пили вмѣстѣ послѣдній чай.

— Я тебѣ налью еще стаканчикъ?—говорилъ старикъ, оттягивая минуту разлуки.

— Пожалуй, налей... Хотя не хочется.

— Пей, пей! На желѣзной дорогѣ надо платить 10 коп. за каждый стаканъ!.. Какъ не стало матери, я самъ началъ разливать чай... Привыкъ!.. А раньше не могъ, все забывалъ, что наливать некому, и ждалъ, кóгда мнѣ нальетъ мать... Ты пей съ хлѣбомъ! Я тебѣ положилъ курицу-то въ узелокъ... Зубовъ у меня мало и все равно я только пососу, а ничего не сдѣлаю съ курицей... А тебѣ въ дорогу пригодится... На желѣзной дорогѣ за эту штуку заплатишь гривенъ шесть...

Григорій черезъ силу пилъ чай и то и дѣло смотрѣлъ на часы. Но въ комнату заглянулъ Никаноръ и сказалъ:

— А что, господа честные, не опоздаемъ мы на чугунку?

Тогда Григорій всталъ и, словно спохватившись, произнесъ: «Пора! Пора!»...

— Весной буду ждать,—началъ отецъ,—весной у насъ хорошо, благодать! На пруду есть лодка, будешь рыбачить... Ты не разлюбилъ это занятіе?

— Нѣтъ.

— Будешь охотиться на утокъ...

— Прошлой весной этихъ самыхъ утокъ было... —неожиданно воодушевившись, началъ было говорить Никаноръ, но Сергѣй показалъ ему на чемоданъ, и Никаноръ не окончилъ фразы: схвативъ чемоданъ, онъ понесъ его въ санки.

— Ну, прощайте,—глухо сказалъ Григорій.

— Надо присѣсть передъ дорогой... Такой ужъ обычай... Сядь, Сергѣй!

Они посидѣли, потомъ разомъ всѣ встали, старикъ помолился передъ образомъ, подошелъ къ Григорію, перекрестилъ его и долго держалъ въ объятіяхъ и цѣловалъ, а когда выпустилъ, то сталъ тяжело отдуваться, приговаривая:

— Ну, Богъ съ тобой! Счастливый путь тебѣ!.. Весной, смотри, буду ждать... Пиши, какъ тамъ будешь жить... Деньги если понадобятся,—не гордись...

— Прощай, Гриша! — сказалъ Сергѣй и тоже громко поцѣловалъ брата три раза.

— Смотри, не сердись! Я, вѣдь, горячій,—добавилъ онъ.

Всѣ вышли провожать Григорія на крыльцо. Васильевна стояла тутъ же. Когда

всѣ еще разъ простились съ Григоріемъ, она схватила его руку и поцѣловала.

— Прости насъ, окаянныхъ... А самъ молись за мамашу-то! — наставительно прошептала она ему на ухо, и Григорій почувствовалъ, какъ горячая слеза упала ему на руку.

— Ну, трогай!

Завизжали полозья саней, забулькали бубенчики—и Григорій уѣхалъ.

— На Козьемъ вражкѣ осторожнѣй, Никаноръ! Подъ уздцы спусти! — крикнулъ старикъ упавшимъ голосомъ.

— Спустимъ! — отвѣтилъ Никаноръ, не оборачиваясь, ударилъ лошадку, и кошевка плавно покатилась по снѣгу, мимо амбаровъ, погребовъ и каретниковъ къ воротамъ...

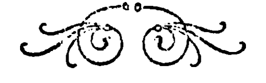
Сергѣй ушелъ въ комнаты, а отецъ съ Васильевной остались. Васильевна утирала слезы рукавомъ кофты и что-то шептала. А старикъ смотрѣлъ вслѣдъ уплывавшимъ санкамъ, изъ которыхъ торчалъ башлыкъ на головѣ Григорія, и моргалъ глазами, и ему было такъ грустно, словно онъ во второй разъ похоронилъ Марью Θеодоровну...

Когда лошадка выѣзжала изъ воротъ, Григорій оглянулся. На крыльцѣ еще темнѣла чья-то фигура; Григорій хотѣлъ по-

махать рукой, но не успѣлъ: крыльцо спряталось за какую-то постройку и не зачѣмъ было махать.

Когда выѣхали въ поле, — подулъ въ лицо рѣзкій вѣтеръ. Григорій накрылъ лицо наглухо башлыкомъ, оставивши только маленькую дырочку для воздуха, и закрылъ глаза... Полозья съ желѣзными подрѣзами визжали по снѣгу, бубенчики сыпались по дорогѣ непрерывнымъ дождемъ мелодичныхъ колокольчиковъ и, прислушиваясь къ этой своеобразной мелодіи, Григорій начиналъ мало-по-малу погружаться въ нирвану.

Ему казалось, что онъ ѣдетъ давно-давно, что онъ никогда не останавливался и никогда не остановится, а будетъ безъ конца все куда-то ѣхать...

ПРОТИВНИКИ.

Разсказъ.

Когда Рычковъ, поднявшись до первой площадки на лѣстницѣ, ощупывалъ въ темнотѣ перила, чтобы сдѣлать поворотъ влѣво, — онъ услыхалъ впереди чьи-то неувѣренные шаги и подумалъ: «Къ ней кто-то лѣзетъ». Признаться, при этой мысли Рычкову стало немного досадно: онъ разсчитывалъ провести вечеръ только вдвоемъ съ Вѣрой Семеновной, потолковать, почитать и хорошенько «выяснить» себѣ направленіе этой дѣвушки, а тутъ опять не удается. «Вѣроятно, опять Паклинъ»—мелькнуло въ сознаніи Рычкова,—«повадился...» Желая поскорѣе узнать, кто лѣзетъ, онъ откашлянулъ и произнесъ:

— Какъ-бы не столкнуться! Темно!

— Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ! — отвѣтилъ грубоватый голосъ, и Рычковъ узналъ въ немъ дѣйствительно Паклина.

— Ахъ, это вы!.. Сошлись...—довольно неопредѣленно сказалъ Рычковъ и добавилъ вполголоса:

— Не знаю, дома ли... Ее трудно поймать...

Рычковъ сказалъ неправду: еще войдя во дворъ, онъ поднялъ кверху голову и освѣдомился, есть ли огонекъ въ окнѣ Вѣры Семеновны, — огонекъ свѣтилъ, стало быть, — она была дома. Зачѣмъ совралъ Рычковъ, — онъ и самъ не давалъ себѣ отчета; просто совралось. Этимъ выразилась, вѣроятно, досада, что ему опять не удастся потолковать о дѣлѣ и «выяснить»...

— Дома! — увѣренно отвѣтилъ Паклинъ,—она меня звала.

— Изъ этого ничего не слѣдуетъ! — грубо пробунчалъ Рычковъ. Въ это время оба студента вошли на вторую площадку лѣстницы. Здѣсь было окно. Въ окно ярко свѣтила луна... Когда Паклинъ вошелъ въ полосу луннаго свѣта, Рычковъ увидѣлъ, что тотъ несетъ съ собой какія-то книги... Это тоже показалось ему почему-то непріятнымъ, хотя и самъ онъ тоже держалъ подъ мышкою книги. Они поздоровались и молча двинулись по темной лѣстницѣ дальше. Но вотъ дальше лѣзть было уже некуда. Паклинъ уперся въ стѣну и сталъ шарить рукою, отыскивая скобку двери...

— Постойте-ка... Чего вы, вѣдь вотъ!— сказалъ Рычковъ, отстраняя руку Паклина,

и растворилъ дверь. Они вошли на «антресоли». Ихъ встрѣтила старушка довольно непривѣтливо:

— Къ Вѣрочкѣ, что-ли? Спитъ она... нѣтъ ея дома...

— Дома! дома! — прозвучалъ издали нѣжный мелодичный голосокъ,—и изъ растворившейся двери выскочила высокая, стройная дѣвушка, въ небрежно накинутой на плечи шали, съ плотно заплетенной косою. Не поздоровавшись еще съ гостями, Вѣрочка накинулась на старушку:

— Что это вы, мамаша!.. Съ чего вы взяли?.. Пожалуйте...

— А кто тебя знаетъ... Я думала,—тебя нѣтъ.

Молодежь стала здороваться и снимать пальто, а старушка заворчала себѣ подъ носъ и скрылась...

— Вы, пожалуйста, другой разъ прямо идите ко мнѣ, а то...

Но въ этотъ моментъ откуда-то неожиданно появилась опять старушка и сердито перебила дѣвушку:

— Какъ же прямо ломиться въ комнату!.. Чай, надо сперва спросить?.. Да другой разъ ты неодѣвши еще... Прямо!.. Только вороны летаютъ...

— Ну ладно, ладно... Оставьте, мамаша!..

— Прямо!.. Безстыдница какая...

— Ну ладно!.. Пойдемте, господа!

Съ этими словами дѣвушка пошла въ свою комнату. За нею двинулись и студенты.

Рычковъ подсѣлъ къ столу съ одного конца и положилъ книги, Паклинъ — съ другого конца. Оба были смущены неожиданнымъ пріемомъ старушки и потому нѣкоторое время не находили, съ чего начать разговоръ.

— Я собственно на минутку забѣжалъ къ вамъ,—началъ Рычковъ,—принесъ вамъ книги...

— Ахъ, спасибо! Маркса?

— Да... Усидите, такъ сразу на 90 градусовъ поумнѣете... Здѣсь вся суть. Это—обязательно нужно всякому прочесть...

Рычковъ былъ спеціалистомъ по политической экономіи и полагалъ, что кто не «усидѣлъ» Маркса—круглый невѣжда; къ такимъ господамъ онъ относился въ лучшемъ случаѣ съ покровительственной снисходительностью, въ минуты же рѣзкой откровенности прямо пренебрегалъ ихъ мнѣніемъ и особою...

«Ну, братецъ, ты еще того... слабоватъ!

Почитай-ка Маркса, авось, дурь пройдетъ»... замѣчалъ онъ собесѣднику въ такія минуты. А «дурью» онъ называлъ все, не относящееся къ области политико-экономическихъ явленій. «Маркса» онъ, дѣйствительно, «усидѣлъ» и зналъ его буквально по-странично; въ разговорахъ неизбѣжно обращался къ нему и сыпалъ цитатами. Какимъ-то непонятнымъ образомъ Рычковъ умѣлъ всегда приплести Маркса... Говорятъ, напримѣръ, что есть урокъ за пять рублей въ мѣсяцъ, совѣтуются, кому его передать, кто болѣе нуждается и т. д. Рычковъ все молчитъ, а потомъ задумчиво замѣтитъ:

— Два часа... За пять рублей... Дешевенько... Вотъ онъ, трудъ и капиталъ, спросъ и предложеніе!..

А затѣмъ уже приступаетъ къ изложенію законовъ колебанія заработной платы.

Насколько свѣдущъ былъ Рычковъ въ области политико-экономической, настолько же несвѣдущъ въ другихъ областяхъ знанія. Впрочемъ, онъ этого не замѣчалъ и не чувствовалъ. Политическая экономія, вообще, и Марксъ—въ частности,—казались ему центромъ всей человѣческой жизни, откровеніемъ, раскрывающимъ широкіе горизонты на все человѣчество, на весь міръ...

Поэтому онъ не признавалъ, напримѣръ, психологіи, называя ее «болтовней празднаго ума», не признавалъ философіи, называя ее почему-то «акциденціею», что же касается изящной литературы, — то онъ ее прямо ругалъ «дребеденью», которой занимаются только тѣ, кому дѣлать нечего.

Закуривъ папироску, Рычковъ сосредоточенно устремился въ полъ взорами. Паклинъ — живой, подвижной юноша, не умѣющій болѣе пяти минутъ просидѣть на одномъ мѣстѣ, вскочилъ и сталъ ходить по комнатѣ. Вѣра вышла за дверь, — и было слышно, какъ она вполголоса убѣждала старушку поставить для гостей самоваръ, а старушка ворчала.

— Ну, такъ я сама, сама!..—доносился сердитый шопотъ дѣвушки.

— Сколько ихъ перебываетъ... всѣмъ самоваръ ставить...—слышался ворчливый голосъ старушки. Но вотъ дверь сердито хлопнула, — ее затворила за собой появившаяся Вѣра.

— Я вамъ тоже притащилъ,—встрѣтилъ ее Паклинъ и, подойдя къ столу, переложилъ принесенныя имъ книги съ одного мѣста на другое. Рычковъ поднялъ взоры, протянулъ руку и взялъ одну изъ принесенныхъ Паклинымъ книгъ.

— Шекспиръ... такъ!... — пробунчалъ онъ полунасмѣшливо, полуснисходительно, перелисталъ нѣсколько страницъ, потомъ разомъ захлопнулъ переплетъ и, небрежно бросивъ Шекспира опять на столъ, произнесъ:

— Одна эмоція!..

— Что такое?—спросила дѣвушка.

— Эмоціями, сударыня, пробавляетесь...

Дѣвушка, видимо, не поняла,—поэтому Рычковъ объяснилъ:

— Неопредѣленное движеніе души, не прибавляющее ни капельки ни ума, ни знаній... Пригодно для успѣшнаго пищеваренія...

Но тутъ вступился въ разговоръ Паклинъ.

— То есть, какъ же это? Шекспиръ, по-вашему, служитъ только для пищеваренія? (Паклинъ почувствовалъ обиду, ибо слова Рычкова касались косвенно его).

— А вы какъ полагали?

— И Шиллеръ, Гёте, и Байронъ—всѣ для пищеваренія?—сверкая глазами, спрашивалъ Паклинъ, глядя то на Рычкова, то на дѣвушку, чувствовавшую себя крайне затруднительно.

— Одна эмоція!—рѣзалъ Рычковъ, глубоко затягиваясь дымомъ папиросы...

— Да вы читали-ли? — иронически спросилъ Паклинъ.

— Пробовалъ... Только бросилъ, ибо ничего изъ вашего Шекспира не вынесъ... Одна эмоція!.. Впрочемъ, у меня и эмоцій не было...

— Ничего не вынесли... Гм... Ну, ужъ ке Шекспиръ въ этомъ виноватъ... Ха-ха-ха!.. Ничего не вынесли!.. Жаль, жаль... Васъ жаль, а не Шекспира...

— Намъ не приходится, батюшка, Ромеами да Джульетами пробавляться... Это отъ нечего дѣлать...

— Какая чушь! Какая чушь!

— Да будетъ, господа! — робко и сконфуженно произнесла дѣвушка, робко вмѣшавшись въ споръ.

— Нѣтъ, позвольте, Вѣра Семеновна! Тутъ дѣло принципіальное! — возразилъ Паклинъ и, обратившись къ противнику, спросилъ:

— На кой чортъ вы притащили Маркса?

— А я васъ спрошу: на кой чортъ вы притащили Шекспира?

— Зачѣмъ Вѣрѣ Семеновнѣ теперь Марксъ? Она ничего не пойметъ въ немъ. Да и вообще—на кой чортъ ей ударяться въ такую спеціализацію? Марксъ!..

— Да вы читали-ли Маркса-то?

— Конечно, читалъ... Но Вѣрѣ Семеновнѣ теперь нужно еще общее образованіе, котораго въ гимназіи она не получила... Передъ ней широкая область естествознанія, исторіи, наконецъ — знакомство съ изящной литературой, родной и западной... А вы лѣзете съ Марксомъ!

— На эмоціяхъ не далеко уѣдешь...

— Будетъ, господа... Все я буду читать... и Маркса и Шекспира...—вставила дѣвушка, не зная, какъ оборвать этотъ споръ, принимавшій черезчуръ рѣзкій характеръ...

Споръ этотъ давно встревожилъ старушку, и она уже нѣсколько разъ припадала къ двери, прислушивалась и заглядывала въ щель.

— Какъ сойдутся, такъ и ругаются, — шептала она недовольно, и сильно побаивалась, какъ бы еще не раздрались. Прислушавшись теперь къ крику спорящихъ, она услыхала громкую фразу Рычкова:

— Что же, по вашему мнѣнію, для образованія не нужна политическая экономія?

— Кто вамъ говоритъ, что не нужна!? Но для образованнаго человѣка достаточно прочитать какой-нибудь общій курсъ...

— Вотъ, вотъ!—прошептала старушка,—

конечно, надо курсы кончить... Вѣрно говоритъ.

И насколько Паклинъ показался ей умнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, настолько Рычковъ—бездѣльникомъ...

Старушкѣ казалось теперь, что непремѣнно Рычковъ во всемъ виноватъ. Вѣрочка стала не слушаться, своевольничать; студенты безперечь шляются, — спокою не даютъ: только ляжешь уснуть—ботъ! ботъ! ботъ!.. Лѣзутъ—и прямо въ комнату къ дѣвушкѣ ломятся, въ калошахъ и въ шапкахъ... На полу насорятъ, наплюютъ и папиросъ набросаютъ,—мести не успѣваешь... А станешь ей говорить—окрысится...

Въ это время въ сѣняхъ послышался топотъ многочисленныхъ ногъ, легкій говоръ и смѣхъ.

— Никакъ еще лѣзутъ! Господи! Вотъ наказаніе Божіе!.. И, дѣйствительно, опасенія старушки были основательны: дверь широко распахнулась и полѣзли... Одинъ, другой, третій... Вошли три студента и одна дѣвушка, веселая, звонко смѣющаяся, о чемъ-то говорившая...

— Вѣра дома?—спросила эта дѣвушка.

— Дома,—сердито буркнула старушка, искоса посмотрѣвъ на вошедшую компанію.

— Идемъ, господа!—сказала дѣвушка. И они двинулись, не раздѣваясь, въ комнату Вѣры Семеновны.

— Калоши-то, калоши-то хоть скинули-бы!—замѣтила недовольно старушка,—мыто у насъ сегодня только!

Но всѣ уже пролѣзли къ Вѣрочкѣ, а заднiй сказалъ:

— Ничего, бабушка... Все равно!—махнулъ рукой и тоже скрылся за дверью.

Въ комнатѣ Вѣры Семеновны поднялся страшный гвалтъ. Пришедшiе присоединились къ принципiальному спору,—и всѣ кричали немилосерднымъ образомъ. Подъ потолкомъ повисли облака табачнаго дыма; на полъ полетѣли окурки папиросъ.

— «Бабушка»... Какая я тебѣ бабушка...—ворчала старушка, подтирая половою щеткою грязные слѣды на мытомъ полу.

Шумъ усиливался. Горячились все больше. Старушка долго крѣпилась, но, наконецъ, не выдержала:

— Надо, господа, и честь знать!—сказала она, войдя въ комнату Вѣры,—чего вы ругаетесь: не на толчкѣ, вѣдь!.. На-ко, какой содомъ подняли!.. Ни стыда, ни совѣ-

сти, прости Господи!.. Никакого спокою нѣтъ...

Старушка сердито захлопнула дверь. Въ комнатѣ сразу все стихло. Потомъ одинъ за другимъ полѣзли оттуда гости и, молча проходя черезъ зальце, скрывались за выходной дверью...

МИРАЖЪ.

Разсказъ.

...— Жизнь похожа на календарь. Листокъ за листкомъ отрываются года нашей жизни, а тамъ—послѣдній листокъ—и кончено!.. Когда я подхожу къ календарю, чтобы оторвать канувшій въ вѣчность день, мнѣ думается: «вотъ и еще 1 день приблизилъ меня къ могилѣ», и мнѣ становится какъ-то жутко, захочется куда-то торопиться, спѣшить сдѣлать что-то и становится страшно, что я такъ и не успѣю... А что?—въ сущности я и сама не знаю, куда спѣшить, зачѣмъ спѣшить и что надо сдѣлать...

Вѣра Аполлоновна посмотрѣла въ окно, помолчала немного, и продолжала:

— Помните: у Тургенева, въ его «Senilia», есть маленькая вещица, озаглавленная «Завтра»? Все ждешь этого «завтра». Вспоминаешь прожитый день. Что новаго, особеннаго произошло за этотъ день? Ничего, ровно ничего... Случилось все то, что случалось сто разъ раньше и что случится сто разъ послѣ. Поэтому, иногда бываетъ

даже пріятно поскорѣй оборвать пять—шесть листочковъ календаря своей жизни, лишь бы поскорѣе дожить до красной цифры ожидаемаго праздника... Скучно, Николай Петровичъ. Скучно, голубчикъ, жить!..

— Тургеневъ писалъ свои «Senilia» на склонѣ дней, а вы, Вѣра Аполлоновна...

— Мнѣ только тридцать два года, но, кажется, что я прожила цѣлую вѣчность... И ничего интереснаго впереди уже не будетъ... Все было, все случалось... Право! Иногда прислушиваешься къ своему настроенію,—и въ головѣ встаетъ смутное воспоминаніе, скорѣе ощущеніе повторяемости... Не знаешь, когда, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ, но всѣми силами души чувствуешь, что все это уже случалось, что все это когда-то уже было именно такъ, какъ совершается въ данную минуту. Какой-нибудь ландшафтъ, клочекъ голубого неба, косой лучъ заходящаго солнца или ясная лунная ночь, звонкій лай собаки, голосъ,—и все это иногда сольется въ такой комбинаціи, какая хранилась гдѣ-то подъ спудомъ въ памяти, и только всплыла теперь на поверхность... Вотъ и сейчасъ... Мы сидимъ съ вами въ этой комнатѣ другъ противъ друга, а я чувствую, что когда-то,

давно, очень давно, мы уже сидѣли съ вами такъ же, какъ сидимъ теперь, и такъ же печально заглядывало къ намъ въ окно заходящее солнышко, и было такъ же грустно... и мнѣ такъ же хотѣлось плакать...

— Да, все это было,—задумчиво произнесъ Николай Петровичъ, кудрявая голова котораго обвилась клубами табачнаго дыма.—Я даже могу напомнить, какъ и когда это было, Вѣра Аполлоновна...

— Неужели?—прошептала Вѣра Аполлоновна, глядя куда-то мимо собесѣдника.

— Давно это было... Я уѣзжалъ въ Москву, въ университетъ, а вы еще носили коричневое платьице гимназистки... Помню, былъ хорошій августовскій вечеръ... Смеркалось. Шарманка играла тогда на улицѣ «Милыя горы», и у меня такъ щемило сердце отъ предстоящей разлуки съ... гимназисткой Вѣрочкой, что я готовъ былъ расплакаться... Ваше личико было тоже печально... Былъ моментъ, когда насъ оставили вдвоемъ, и мы сидѣли, какъ и теперь, другъ передъ другомъ, и не знали, что сказать на прощанье...

— Ну, дальше! Потомъ?

— Потомъ?.. Потомъ—ничего... Потомъ полетѣли года, мы состарились... Я женился, обзавелся цѣлымъ разсадникомъ моло-

дого поколѣнія, а вы сдѣлались артисткой и стали пожинать лавры... Теперь намъ обоимъ скучно... Вотъ и все!..

Николай Петровичъ выпустилъ изъ-подъ усовъ облачко табачнаго дыма и смолкъ. И оба они молчали, и въ этомъ молчаніи чувствовалось что-то оборванное, недоговоренное, что каждый изъ нихъ понималъ и договаривалъ въ своемъ сердцѣ... Изъ-подъ груды обломковъ, сора и грязи прожитой жизни вставали стертыя годами воспоминанія юности, такія яркія, живыя, трепещущія, и рядомъ съ ними поднималось со дна души сожалѣніе о чемъ-то несбывшемся, раскаяніе въ какой-то непоправимой ошибкѣ на всю жизнь... Николай Петровичъ смотрѣлъ на Вѣру Аполлоновну неподвижно и пристально; смотрѣлъ на ея красивую голову, подпертую кистью тонкой руки, и гдѣ-то тамъ, на самомъ днѣ души, шевелилась тѣнь былого,—позабытаго или затеряннаго на длинномъ пути жизни—чувства... А Вѣра Аполлоновна смотрѣла вдаль съ грустью, похожей на грусть хорошаго осенняго дня, когда свѣтъ солнышка напоминаетъ улыбку сквозь слезы, а кружащіеся въ воздухѣ желтые листья деревьевъ навѣваютъ на душу тихое раздумье о недолговѣчности человѣка

со всѣми его радостями и печалями, и внушаютъ кроткую безмолвную покорность ничтожному жребію.

Вечеръ все ниже опускался надъ городомъ. Потухалъ розоватый отблескъ вечерней зари. Скользили тѣни, сгущались сумерки. Стихалъ шумъ городской жизни, и въ этомъ постепенномъ затиханіи и въ сгущающихся сумеркахъ было что-то похожее на приближеніе смерти...

— Было это такъ давно, а теперь встаетъ въ памяти, какъ вчерашній день... Какъ быстро мчится время!—задумчиво проговорилъ Николай Петровичъ, и по лицу его скользнули тѣни и сдѣлали это лицо сумрачнымъ и печальнымъ. Николай Петровичъ думалъ о томъ, что двѣ трети жизни прожиты, убѣжали; что остатокъ жизни плыветъ безостановочно и скоро доплыветъ до конца... На зарѣ юности дорога жизни казалась безконечно-длинной, а теперь ее можно окинуть взоромъ отъ начала до конца... И все словно уменьшилось, сократилось, и весь міръ сталъ похожъ на обнесенный высокими стѣнами тюремный дворъ, гдѣ человѣкъ-узникъ гуляетъ на свободѣ...

— Надоѣло жить,—тихо прозвучалъ голосъ Вѣры Аполлоновны.—Нѣтъ способности жить, нѣтъ способности любить и на-

дѣяться... Пусто, скучно и холодно... И теперь, когда я окидываю взоромъ весь путь моей безалаберной жизни, знаете, о чемъ я думаю? Я думаю о томъ, что если я когда-нибудь жила и любила, такъ только въ то далекое время, когда я была Вѣрочкой и носила фартучки, а вы были Колей въ новомъ студенческомъ мундирѣ... Однимъ маякомъ въ океанѣ впечатлѣній и воспоминаній моей пустой мишурной жизни—рисуется мнѣ воспоминаніе о нашей ребяческой привязанности, о нашемъ дѣтскомъ романѣ съ его платоническимъ благоговѣніемъ, съ намеками на ревность, на кокетство; съ его грезами, безразсудно бѣжавшими за предѣлы всего возможнаго...

— А потомъ, Вѣра Аполлоновна, развѣ не было ничего, что хочется вспомнить, воскресить?..

— Потомъ? Потомъ были романы, нѣсколько романовъ, но все это—не то!.. Или жалкія повторенія, игра самолюбія, тщеславія, чувственности, или... или просто желаніе имѣть романъ и сознаніе, что ты — дѣйствующее лицо въ этомъ романѣ... Ложь, ложь безъ конца, безъ проблеска искренности, непосредственности чувства... Гадко!.. Ахъ, какъ я хотѣла бы побыть теперь прежней Вѣрочкой, посидѣть на ру-

кахъ у мамы, обвить ея шею своими ручонками и чувствовать себя такъ хорошо и спокойно подъ защитой материнской ласки!.. Умерла мама... Давно умерла... Я—одна...

И опять наступило молчаніе. Съ улицы черезъ окно долетали глухіе звуки піанино: играли гдѣ-то старинный грустный вальсъ.

— А вы, Николай Петровичъ, счастливы?—неожиданно спросила Вѣра Аполлоновна, и тотъ смутился подъ ея пристальнымъ взглядомъ.

Счастливъ ли онъ? Онъ и самъ этого не знаетъ. Нѣтъ въ душѣ трепета, который дѣлаетъ счастье ощутительнымъ, возбуждаетъ желаніе разсказать всѣмъ о своемъ счастіи... Былъ этотъ трепетъ, когда Николай Петровичъ узналъ, что онъ любимъ теперешней женой его, Наташей; былъ этотъ трепетъ, когда онъ стоялъ рядомъ съ ней въ саду и не находилъ словъ, чтобы передать ей всю силу своей любви; былъ, когда сердце разрывалось отъ восторговъ раздѣленной любви, потомъ,—когда свѣтъ божій огласился слабенькимъ крикомъ безпомощнаго новаго существа, перваго сына; когда больная, улыбающаяся сквозь слезы Наташа, дѣлилась съ нимъ новой радостью, радостью материнства. Былъ и еще этотъ трепетъ, но повторялся онъ все рѣже и все

слабѣе. Привыкаешь къ сознанію, что любимъ, свыкаешься съ этимъ до того, что перестаешь цѣнить—и все входитъ въ обыденныя рамки, и сердце перестаетъ трепетать и бьется ровно, спокойно, какъ стучатъ карманные часы...

— Говорятъ, Вѣра Аполлоновна, что, когда счастье входитъ въ дверь нашей хижины, оно такъ сгибается, что мы перестаемъ его замѣчать...

— И начинаемъ снова его видѣть, когда оно очутится опять за дверью?

— Увы!—это правда. Проклятый призракъ, который дразнитъ и манитъ издали, какъ свѣтящаяся въ лѣсу гнилушка заблудившагося путника!.. И все это знаешь и все-таки тянешься къ нему обѣими руками!..

— Васъ очень любитъ жена?

— Гм... Привыкла!.. Заботы, мелочи жизни, мелкія ссоры, — все это проза, страшная проза, передъ которой отступаетъ порывъ, которая развѣнчиваетъ поэзію любви и поэзію счастья... Остаются два существа, помогающія другъ другу тащить бремя жизни, устающія за день, какъ чернорабочіе... А чернорабочимъ, Вѣра Аполлоновна, не приходитъ даже въ голову вопросъ о томъ, счастливы ли они?!. Да, Вѣ-

ра Аполлоновна: «Только утро любви хорошо, хороши только первыя робкія рѣчи»...

— «Хороши только первыя робкія рѣчи»,—тихо повторила Вѣра Аполлоновна и встряхнула головой, словно отмахиваясь отъ докучливой думы. Такъ же она встряхивала своей головой, когда была подросткомъ.

— Отчего вы такъ пристально смотрите на меня? Вы вспоминаете Вѣрочку и удивляетесь, какъ это вы могли боготворить меня въ далекіе дни юности? Теперь я—развѣнчанный кумиръ? Я не нравлюсь больше вамъ?.. Да?

Николай Петровичъ потупился. Онъ снова почувствовалъ, какъ въ его душу повѣяло чѣмъ-то знакомымъ, близкимъ и дорогимъ. Онъ взялъ руку Вѣры Аполлоновны и заглянулъ вглубь ея глазъ, и сердце его стало замирать, какъ тогда, когда онъ былъ на первомъ курсѣ... Молча онъ коснулся губами руки Вѣры Аполлоновны и вспыхнулъ вдругъ, какъ юноша...

— Въ память далекихъ воспоминаній?—спросила Вѣра Аполлоновна съ печальной улыбкой, и ея голосъ, и скользнувшая по лицу улыбка очень напомнили Николаю Петровичу дѣвочку въ коричневомъ платьицѣ, съ косой и съ бархоткой на

головѣ, и опять сердце его какъ-то рванулось къ прошлому, отошедшему въ страшную и непонятную вѣчность..

— Исполнилось, Вѣра Аполлоновна, то, о чемъ я робко мечталъ, будучи гимназистомъ!..

— Вотъ какъ!..

— Сколько плановъ и заговоровъ лелѣялъ я когда-то въ своемъ робкомъ гимназическомъ сердцѣ около этого поцѣлуя! Помню: я искалъ случая на Пасхѣ выполнить это злодѣяніе, но мнѣ не удалось... Вы сказали, что не христосуетесь съ мужчинами!.. Жестокая вы были!.. И вотъ, черезъ 15—17 лѣтъ, исполнилась мечта!.. Робость исчезла... А жаль! Какая хорошая это была робость! Вѣдь въ ней олицетворялась вся сила безпредѣльнаго благоговѣнія!..

— А теперь нѣтъ этой робости, и никто не вернетъ ея намъ съ вами, — отвѣтила Вѣра Аполлоновна, поднимаясь съ кресла, и, нагнувшись, поцѣловала Николая Петровича, и отошла къ другому окну.

— Въ память далекихъ воспоминаній!— прошептала она.

Въ сумеркахъ мелькнулъ въ рукахъ ея бѣлый платокъ... Быть можетъ, Вѣра Аполлоновна отерла имъ слезку, которая скатилась съ рѣсницы на щеку...

— Вѣрочка, Вѣрочка...

Легкій стукъ въ дверь заставилъ очнуться обоихъ.

— Можно?

— Входите!—грустно отвѣтила Вѣра Аполлоновна, оправляя мягкимъ прикосновеніемъ руки узелъ каштановыхъ волосъ на головѣ.

— Это—я!.. Что подѣлываетъ наша звѣздочка? Вашу благовонную ручку!—заговорилъ вкатившійся въ номеръ толстякъ и, громко чмокнувъ губами руку Вѣры Аполлоновны, добавилъ:

— Ароматная женщина!

И весело засмѣялся мелкимъ и частымъ смѣшкомъ и, казалось, что вся комната сразу измѣнила свою атмосферу; изъ грустной, меланхолично-задумчивой она стала легкомысленной, безпечной и шаловливой. Столько игривости и легкомыслія было и въ самой фигурѣ этого господина, и въ его пиджачной парѣ, клѣтчатой, кургузой, и въ болтающихся на кругломъ брюшкѣ брелокахъ на часовой цѣпочкѣ, и въ голосѣ, хрипловатомъ, изобличавшемъ «птицу небесную», о которой никто, кромѣ Бога, не заботится, и въ жестахъ этого господина, быстрыхъ, разухабистыхъ, и въ походкѣ его, подплясывающей и смѣшной!

— Познакомьтесь, господа! Это Громилинъ, нашъ комикъ-буффъ!

— Колосовъ, присяжный повѣренный...

— По бракоразводнымъ-съ?—съ улыбкой перебилъ Громилинъ.

Николай Петровичъ промолчалъ, и оба они остались недовольны другъ другомъ: Николай Петровичъ былъ настроенъ грустно,—Громилинъ, по обыкновенію, очень весело.

— Что же это вы, милые люди, въ потемочкахъ-то посиживаете? Нѣшто въ жмурки играли?—сказалъ комикъ и подмигнулъ глазомъ. И вышло это такъ пошло и оскорбительно!.. Николаю Петровичу стало обидно и за свое настроеніе, и за эту женщину, только что пробудившую въ немъ тѣнь первой чистой любви далекой юности, обвѣянной чарами призрачныхъ пугливыхъ грезъ поэзіи...

— Громилинъ! мнѣ скучно, невыносимо скучно!.. И... не хочется васъ видѣть! — громко произнесла Вѣра Аполлоновна, опуская руки и голову.

— Можетъ быть, я здѣсь, господа, лишній, и потому сдѣлалось скучно? Вы скажите прямо: я ретируюсь, благородно ретируюсь... Я альтруистъ, совершенный альтруистъ! Уйти?

— Нѣтъ, не то... Не мѣшаете, а просто я... не знаю, какъ сказать... Скучно мнѣ и хочется грустить... и хорошо такъ грустить... А вы ломаетесь!..

— Исторія! Хочется грустить!?. Не позволю! О чемъ грустить?.. Наплевать, примадонночка! Вотъ придетъ завтра, надѣнете юбочку Периколлы, запоете «какой обѣдъ намъ подавали, какимъ виномъ насъ угощали!»

Громилинъ пропѣлъ этотъ куплетъ фальцетомъ съ жестами, съ мимикой, и добавилъ:

— И будетъ, мамочка, весело! Послѣ спектакля будемъ ужинать... Я буду губернаторомъ!.. И будемъ пить вино... Вѣрно, Николай Петровичъ?

Николай Петровичъ не отвѣтилъ. Онъ курилъ и смотрѣлъ въ окно...

— Вѣрно онъ, разбойникъ этакій, довелъ нашу примадонночку до такого индифферентнаго отношенія къ жизни!—сказалъ Громилинъ по адресу самоуглубленнаго Николая Петровича, и запѣлъ фальцетомъ:

А-а-бба-жаю, люблю-ю-ю,
М-мой разбойникъ, теббя!..

Но не допѣлъ и, оборвавъ куплетъ, поправилъ свой цвѣтной галстухъ и спросилъ хриповатымъ басомъ:

— Есть у васъ, мамочка, деньги?

— Сколько вамъ?—безучастно спросила Вѣра Аполлоновна.

— Только пять рубликовъ... Дайте, ароматная моя, будьте спокойны: ей-Богу, не отдамъ!..

Вѣра Аполлоновна выбросила на столъ маленькую золотую монету, а Громилинъ подобралъ ее и запѣлъ:

На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ священный...

Потомъ онъ тронулъ кнопку электрическаго звонка и отдалъ эту золотую монетку коридорному. А потомъ коридорный принесъ коньякъ и лимонадъ и зажегъ огонь.

— Раскупори, братецъ! Порядковъ жизни не знаешь!—крикнулъ Громилинъ, и его приказаніе было сдѣлано такъ строго и внушительно, что коридорный мелкой рысцой побѣжалъ за штопоромъ.

Хлопнула пробка и зашипѣлъ лимонадъ въ стаканахъ. Вѣра Аполлоновна взяла стаканъ и стала пить быстро, съ жадностью, а Николай Петровичъ смотрѣлъ на нее и ему было жалко Вѣру Аполлоновну и противно смотрѣть на Громилина, который пилъ, оттопыривъ свои пухлыя щеки и широко разставивъ ноги въ клѣтчатыхъ брю-

кахъ, а когда выпилъ, то сталъ отдуваться отъ ударявшихъ въ носъ газовъ:

— Пфъ! Рикошетъ!.. Пфъ! Отлично!.. Еще?! Пфъ! Превосходно!

— А вы, господинъ пессимистъ?—обратился онъ къ Николаю Петровичу.

Тотъ молча принялъ поданный ему Вѣрой Аполлоновной стаканъ и сталъ пить медленными глотками.

— Примадонночка! Еще стаканчикъ! Вуле-ву, звѣздочка? Уй, милочка?

— Налейте.

Что мнѣ жить и тужить
Одино-кой....

—запѣлъ хриплымъ басомъ Громилинъ, а Вѣра Аполлоновна вдругъ расхохоталась звонко и весело:

— Вы, Громилинъ, похожи на шекспировскаго Фальстафа! Ей-Богу, похожи!.. Ха-ха-ха!!.

— Наконецъ-то выглянуло солнышко изъ-за тучъ!.. Вуле-ву, звѣздочка?

Вѣра Аполлоновна пила. Николай Петровичъ сидѣлъ неподвижно въ креслѣ и смотрѣлъ, какъ разгорался на лицѣ Вѣры Аполлоновны румянецъ, какъ начинали искриться ея умные, печальные глаза огоньками, и слушалъ, какъ она смѣялась все громче и задорнѣе, и начинала шутить и говорить «глупости»...

— Николай Петровичъ! Сядьте здѣсь, рядомъ! Ну!.. Ближе! еще ближе! Развѣ вы боитесь меня?

Они сидѣли рядомъ, близко, и ея плечо касалось порою его груди, и черные глаза обращались къ нему вызывающе, и ароматъ духовъ и женскаго тѣла раздражалъ его обоняніе...

И опять они вспоминали канувшую въ вѣчность юность, свои робкія встрѣчи и робкія рѣчи; Николай Петровичъ говорилъ, что семнадцать лѣтъ тому назадъ онъ робко мечталъ любить Вѣрочку вѣчно и никогда съ нею не разставаться и все строилъ проекты, какъ сказать ей о своихъ страданіяхъ и какъ попросить ее о счастіи на всю жизнь...

— На всю жизнь... Это долгонько,—шутилъ Громилинъ. Вѣра Аполлоновна шла навстрѣчу его шуткамъ и безпечно смѣялась, обжигая Николая Петровича своими взглядами, странными, затуманенными.

Было очень поздно, когда Громилинъ сказалъ: «милые гости, не надоѣли ли вамъ хозяева?» и надѣлъ фуражку. Вмѣстѣ съ нимъ поднялся и Николай Петровичъ и сталъ прощаться съ Вѣрой Аполлоновной. Она крѣпко сжала ему руку и посмотрѣла прямо ему въ глаза вопроситель-

но, странно какъ-то... И отъ этого взгляда у Николая Петровича вздрогнуло сердце и застучало въ вискахъ. На порогѣ, когда Громилинъ вышелъ за дверь, въ коридоръ, Вѣра Аполлоновна задержала въ своей горячей рукѣ руку Николая Петровича и, вперивъ въ него умоляющій взглядъ, чуть слышно сказала:

— Вернитесь... Вѣрочка будетъ васъ ждать...

— Да,—прошепталъ онъ, и вышелъ изъ номера съ трепетомъ во всемъ тѣлѣ и неровной походкой пошелъ вдоль коридора, а когда дошелъ до площадки, то остановился, чтобы глубже вздохнуть грудью и успокоить сердце, бившее сладкую тревогу...

— Вы куда?—спросилъ его Громилинъ, когда они оба очутились на улицѣ.

— Не знаю...—отвѣтилъ Николай Петровичъ и, махнувъ рукой, пошелъ въ сторону...

Свѣтало. Слабый отблескъ наступающаго сѣренькаго дня несмѣло заглядывалъ чрезъ полуприкрытыя тяжелыми портьерами окна и дѣлалъ комнату какой-то будничной и грустной. На столѣ поднимались пустыя кургузыя бутылки изъ-подъ лимонада; на полу валялись пробки. На тѣхъ креслахъ, гдѣ они вчера вечеромъ сидѣли вдвоемъ съ Вѣрой Аполлоновной и грусти-

ли, небрежно валялось женское платье. Около кресла стоялъ одинъ женскій башмакъ съ пуговицами, а другой лежалъ рядомъ...

Все кончилось. Улетѣли грезы и осталась грязь жизни.

Онъ видѣлъ утомленную женщину, небрежно раскинувшуюся, съ полуоткрытымъ ртомъ и съ мелкими морщинами около крѣпко сомкнутыхъ, глубоко упавшихъ въ орбиты глазъ... И ему не вѣрилось, чтобы эта женщина могла быть Вѣрочкой, той легкой, граціозной дѣвочкой, съ русой косою и съ бархоткой на головѣ, которую онъ боготворилъ во дни юности; тотъ черноглазый ребенокъ, который впервые разбудилъ его маленькое сердце и заставилъ его сладко трепетать и бить тревогу...

И все это было такъ невѣроятно, что зарождалось сомнѣніе: полно, да была ли когда-нибудь эта Вѣрочка? Не миражъ ли это старѣющаго человѣка, которому хочется за что-нибудь ухватиться, скользя по дорожкѣ къ смерти?..

Онъ стоялъ, держась рукою за голову, у порога дверей, и ему было такъ грустно, словно онъ потерялъ безъ возврата самое дорогое въ жизни.

Чортова жалость.

Сказка.

Закрутилъ, задымилъ буранъ въ снѣжномъ полѣ и занесъ мягкими сугробами всѣ пути-дороги. Не видать свѣта Божьяго въ крутящемся вихрѣ снѣга; и сверху, и снизу летятъ снѣжныя хлопья: нѣтъ тебѣ ни неба, ни земли, нѣтъ живой души и жилья человѣческаго. А дѣло клонилось къ вечеру. Шелъ въ это время изъ деревни въ городъ мужикъ Спирька—три елки несъ продавать барскимъ дѣтямъ на утѣшеніе и потѣху, а себѣ съ семействомъ на пропитаніе. Голодуха по землѣ ходила, въ деревнѣ вмѣсто хлѣба мякину ѣли, а у Спирьки и мякины не было. Вотъ онъ и придумалъ барскихъ дѣтей потѣшить: срубилъ въ казенномъ лѣсу три елки и потащилъ въ городъ. Въ лѣсу грошъ цѣна ей, елкѣ, а въ городѣ на базарѣ за нее три цѣлковыхъ дадутъ... Торопится Спирька и думаетъ: «можетъ красненькую заработаю, — пуда три муки куплю, чаю да сахару, да ребятишкамъ баранокъ, да себѣ махорки, да

бабѣ... Не знаю, чего бабѣ купить?» А того и не замѣчаетъ Спирька, что давно идетъ безъ пути, безъ дороги... Идетъ часъ, идетъ другой. Пора бы огнямъ загорѣться, городъ далеко видать, и огней нѣтъ, какъ нѣтъ. Что за оказія?.. Остановился Спирька, вокругъ оглядѣлся —ни зги не видать.

— Ахъ, ты...—проворчалъ мужиченка и началъ скверными словами ругаться, плюнулъ и чорта помянулъ. И только это помянулъ онъ чорта, какъ видитъ, кто-то въ снѣгу кувыркается, черненькій, мохнатый, на какого-то звѣрька похожій: заяцъ не заяцъ, собака не собака, лиса не лиса...

— Кышъ, окаянный!—закричалъ Спирька и захлопалъ рукавицами.

Пересталъ кувыркаться, сѣлъ на сугробинѣ и дожидается. Подошелъ Спирька поближе да такъ и замеръ отъ страха: чортъ оказался!.. Сидитъ на сугробѣ, ноги калачикомъ, лапой за ухомъ чешетъ, а другой подманиваетъ.

— Съ нами крестная сила! — прошепталъ Спирька и сотворилъ молитву.

— Не бойся, мужичекъ, я тебѣ ничего не сдѣлаю!..—скрипитъ чортовъ сынъ.

— Кто ты такой?.. По видимости, ты нечистая сила!..—говоритъ Спирька.

— Дѣйствительно, мужичекъ, между нами говоря, я—чортъ...

— А, въ такомъ случаѣ, и поди къ чорту, такъ какъ я съ рожденія крещеный и съ вашимъ братомъ путаться не хочу...

Сказалъ это Спирька и опять крестомъ себя оградилъ. Пошелъ онъ дальше, а чортъ идетъ позади и говоритъ:

— Мы попутчики... Мнѣ тоже въ городъ... Вдвоемъ все веселѣе...

— Дорога никому не заказана... Иди, только, братъ, не разсчитывай, что я тебѣ свою душу продамъ.

Чортъ пошелъ рядомъ, и стали они помаленьку отъ скуки разговаривать.

— Холодно вотъ... Тебѣ въ шубѣ хорошо, а вотъ мнѣ-то въ зипунѣ дырявомъ...

— Хвостъ мерзнетъ! — пожаловался чортъ, а Спирька посмѣялся:

— Скажи, братецъ, на кой лядъ вамъ эти хвосты подвѣшены?.. Тоже и рога.

— Такое положеніе! Мы тоже народъ подневольный...

— Ежели вамъ хвосты обрубить, рога обломать, шерсть остричь, такъ, пожалуй, и за человѣка сойдете... Смотри, миленокъ, не сбились ли мы съ пути-дороги? Давно бы огнямъ надо быть, и ихъ непримѣтно...

И сталъ Спирька жаловаться на свое

житье-бытье, разсказывать про голодуху, про земскаго начальника, про голодныхъ ребятишекъ, про хворую бабу...

— Вся надежда на эти три елки... Продамъ завтра на базарѣ, хлѣба куплю.—И такъ онъ своимъ горемъ чорта разжалобилъ, что стыдно ему стало надъ голоднымъ мужикомъ куражиться.

— Вотъ что, мужичекъ! Могъ бы я тебя въ соблазнъ ввести, воромъ сдѣлать, въ тюрьму посадить, заставить тебя кровь человѣческую пролить, да жалко, а при томъ и въ аду васъ, мужиковъ, не больно цѣнятъ. Одна вамъ цѣна, какъ на семъ, такъ и на этомъ свѣту...

— Извѣстно! Правильно! Какая въ насъ корысть?.. Ты сперва меня богатымъ сдѣлай, темноту мою просвѣти, а потомъ ужъ и... спрашивай!

— Такъ вотъ, прямо скажу тебѣ, что ты сбился съ дороги и вмѣсто города обратно въ свою деревню идешь...

— Ахъ, ты, въ ротъ тѣ пирога съ горохомъ!—обругался Спирька.—Что же ты, такой-сякой, со мной сдѣлалъ?.. Совѣсть-то гдѣ у тебя!?

— Постой, не ругайся... Грѣхъ вѣдь такими словами...

— Ахъ, ты...

Спирька не могъ остановиться. Понималъ, что чортъ вѣрно про грѣхъ говоритъ, но пока не обругалъ чорта всѣми скверными словами, какія только зналъ, не остановился.

— Съ тобой, чортовъ сынъ, и про Бога забудешь... Что я теперь буду дѣлать?

И Спирька метнулся въ другую сторону.

— Погоди!..

— А ну тебя къ...

Еще разъ ругнулъ Спирька чорта и пошелъ своей дорогой. А чортъ догналъ его и говоритъ:

— Хочешь, мигомъ въ городъ доставлю? Садись на спину!

Спирька пріостановился, поглядѣлъ на чорта и говоритъ:

— Да ты что, въ умѣ ли? Чтобы я, православный, верхомъ на нечистой силѣ? Да я лучше въ полѣ замерзну, чѣмъ такъ срамиться...

— Я понимаю, очень даже понимаю, что тебѣ на чортѣ зазорно. Однако, погоди ругаться: поѣдешь не верхомъ на чортѣ, а на парѣ съ колокольчиками, не хуже земскаго начальника...

— Ну! А въ ротъ тѣ малины... Нешто можешь на парѣ?..

— На то я и чортъ. Согласенъ?..

Спирька почесалъ въ затылкѣ. Никогда онъ не ѣздилъ на парѣ съ колокольчиками.

— Такъ-то такъ, отчего бы не поѣхать, а только какъ же оно выйдетъ? Хорошо ли будетъ: самъ въ дырявомъ зипунѣ, въ лаптяхъ, а на парѣ съ колокольчиками?

— Да ужъ коли нетрудно мнѣ пару лошадей дать, такъ пріодѣть-то тебя и подавно. Кѣмъ хочешь ѣхать: купцомъ, бариномъ или какимъ начальствомъ?

Даже остановился мужиченко, такъ поразила его возможность хоть на одинъ часокъ сдѣлаться такимъ высокимъ человѣкомъ.

— Купцомъ можно бы... Почему не сдѣлаться купцомъ?.. Ну, тоже и бариномъ не вредно... Говоришь,—и земскимъ можно?

— Можно.

— Гм!.. Что-нибудь ты хитришь... Безъ пользы не будешь съ мужикомъ такую забаву продѣлывать... Не иначе, какъ въ адъ меня доставить хочешь.

— А ты не сомнѣвайся!..

А вѣтеръ вылъ и пурга все усиливалась. Совсѣмъ стемнѣло. Спирька продрогъ, борода смерзлась съ усами и говорить даже трудно было.

— Песъ съ тобой! Подавай лошадей,— купцомъ поѣду...

Перекувырнулся чортъ трижды и превратился въ ямщика въ овчинномъ тулупѣ, съ кнутомъ и рукавицами за поясомъ, а въ снѣжномъ туманѣ колокольчики зазвенѣли.

— Тпру!—крикнулъ ямщикъ и подъ самымъ носомъ у Спирьки теплый возокъ выросъ.

— Садитесь, купецъ!—сказалъ ямщикъ.

Спирька хотѣлъ зипунъ оправить, глядь, а на немъ шуба енотовая, а на ногахъ, вмѣсто лаптей, сапоги валеные съ галошами на мѣху...

— Ахъ, въ ротъ тѣ!..—произнесъ Спирька и полѣзъ въ возокъ.

Ѣдетъ Спирька въ возкѣ, въ енотовую шубу запахнулся, ноги въ медвѣжій пологъ зарылъ, подъ спиной—подушка мягкая, на головѣ—шапка бобровая.

— Гони! Гони!..

Мчатся кони въ снѣжномъ буранѣ, плыветъ возокъ, покачиваясь съ боку на бокъ, а мужикъ улыбается и думаетъ:

— Вотъ онѣ, лошадки-то!.. Надо быть, одинъ овесъ жрутъ... Хорошо!.. Покурить, что ли?..

Полѣзъ въ карманъ за махоркой, а въ

карманѣ—портсигаръ серебряный. Вынулъ папиросу, вставилъ въ ротъ и дымитъ. И все больше въ немъ гордости рождается. Я ли, не я ли, купецъ, Спиридонъ Тимофеевичъ Трофимовъ. Эхъ, какъ хорошо! Всю жизнь ѣхалъ бы на парѣ съ колокольчиками да на ямщика покрикивалъ. Долго ли онъ ѣхалъ, неизвѣстно, только, когда очнулся отъ сладкой дорожной дремы,—возокъ стоялъ, тихо колокольчики съ бубенчиками позванивали, а впереди тысячи огней горѣли и шумъ, какъ въ лѣсу при вѣтрѣ, гудѣлъ. Городъ!..

— Ты что всталъ?

— Колокольчики надо подвязать. Не велятъ въ городѣ съ колокольчиками.

— Какой же ты чортъ, если начальства боишься!

— Для тебя дѣлаю. Мнѣ ничего не будетъ: перевернусь вороной и улечу, а ты въ часть попадешь... Коли не боишься, поѣдемъ съ колокольчиками.

— Нѣтъ, братецъ, лучше подвяжи!..

— Вотъ то-то и оно!.. Куда въѣхать: въ гостиницу, въ номера, въ ресторацію?

— На постоялый, что ли... Только денегъ-то у меня...

— Не жмись: въ бумажникѣ тысяча лежитъ.

Пощупалъ мужикъ карманъ, дѣйствительно, бумажникъ. Вынулъ, поглядѣлъ: биткомъ набитъ сотенными билетами.

— Дѣйствительно!.. Деньги есть...

— Какъ же у купца деньгамъ не быть!

Подъѣхали къ рестараціи, выскочили на крыльцо два молодца, чтобы господина пріѣзжаго принять. Вылѣзъ купецъ изъ возка, его подъ ручки по лѣстницамъ повели въ горницу, а ямщикъ за нимъ три толстыхъ чемодана понесъ.

— Пожалуйте, господинъ купецъ!

Растворили номеръ,—ковры, зеркала, картиночки на стѣнахъ развѣшаны, диваны, стулья мягкіе и свѣту, какъ лѣтомъ отъ солнышка... Молодцы ушли, а ямщикъ въ передней дожидается.

— На чаекъ бы съ вашей милости!..

— Можно...

Купецъ порылся въ бумажникѣ и подаетъ красненькую:

— Иди теперь!..

Махнулъ рукой, а тотъ не уходитъ, на мѣстѣ топчется.

— Что же? Али мало?..

— Теперь я свое дѣло сдѣлалъ,—до города тебя доставилъ...

Перекувырнулся ямщикъ на полу и обратился въ чорта, а купецъ снова голод-

нымъ мужикомъ сдѣлался. Смотритъ Спирька на чорта, а себя не видитъ, что снова въ лаптяхъ и драномъ зипунѣ стоитъ, испугался и говоритъ:

— А ты ямщикомъ вышелъ бы, а въ полѣ ужъ обернулся!.. Мнѣ непріятности не вышло бы, какъ увидятъ, что меня чортъ привезъ...

— А ты поглядись въ зеркало!—сказалъ чортъ и хихикаетъ, вертя хвостомъ.

Поглядѣлъ Спирька въ зеркало и горько заплакалъ. Схватился за карманъ, а тамъ никакого бумажника, одна дыра... Упалъ онъ передъ чортомъ на колѣни и сталъ просить:

— Чортушка! Батюшка!.. Не губи, родимый!.. Обрати въ купца и не передѣлывай!..

Посмотрѣлъ на него чортъ, почесалъ за ухомъ и говоритъ:

— Почему же?.. Только за эту услугу ты мнѣ свою совѣсть отдай.

— Милый! Да какая корысть тебѣ въ моей совѣсти? Голодная у меня совѣсть! Самъ понимаешь, что бѣдному человѣку трудно съ ней, съ совѣстью-то... Малая у меня совѣсть, заморенная...

— А ужъ это не твое дѣло.

— Ну, а какъ же я самъ-то?.. Поди тоже и купцу нельзя безъ совѣсти-то.

— Я тебѣ дамъ другую, купецкую...

Хитрый былъ мужиченко Спирька, норовилъ самого чорта надуть:

— А какая придача будетъ. Обидно оно такъ на такъ мѣняться...

— Хорошо. Куда ни шло, дамъ тебѣ въ придачу рупь неразмѣнный...

— Вотъ это такъ!.. Спасибо!

— Садись на кровать: я мужицкую совѣсть изъ тебя выну...

Сѣлъ Спирька на мягкую постель, а чортъ верхомъ на него, засунулъ лапу въ ротъ и полѣзъ подъ самое сердце...

— Ой, батюшки!.. Больно!.. Оставь!.. Ой, помру!..

— Вонъ она какъ крѣпко сидитъ... Потерпи маленько!..

Уперся чортъ въ брюхо колѣномъ и, покряхтѣвъ, вытянулъ совѣсть вмѣстѣ съ кровью.

— Вотъ и все!.. Плюнь теперь... Встань и плюнь въ передній уголъ.

Всталъ мужикъ съ постели и плюнулъ въ передній уголъ. И такъ ему вдругъ легко и свободно стало, словно больной зубъ докторъ вытянулъ...

— Не больно?..

— Нисколько!

— Перекувырнись теперь!

Спирька перекувырнулся и снова въ купца обратился, пощупалъ карманъ,—оттопыривается.

— Теперь прощай!..

— Постой, постой!.. А мнѣ-то, совѣсть-то купецкую!..

— Да надо ли?..

— Нехорошо... Дай ужъ!..

Чортъ вытянулъ изъ хвоста складной аршинъ, положилъ его купцу въ боковой карманъ и говоритъ:

— Вотъ тебѣ совѣсть купецкая!..

Сказалъ, захохоталъ, хвостомъ поигралъ, свистнулъ и пропалъ...

Съ этой поры Спирька и купцомъ сдѣлался, Спиридономъ Тимофеевичемъ Трофимовымъ. Теперь у него на селѣ хорошій домъ въ два этажа; въ верхнемъ самъ живетъ, а въ нижнемъ—магазинъ держитъ. Богатый, подлецъ: барскую усадьбу снялъ, трактирное заведеніе открылъ, съ машиной, съ живой фотографіей. Всѣхъ мужиковъ въ кулакѣ держитъ, съ земскимъ дружитъ, со становымъ покумился, да и скупъ же, старый чортъ: подойдетъ подъ окошко либо къ магазину голодный мужичекъ или баба, а онъ имъ:

— Богъ подастъ!

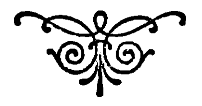
А по селу тайная молва идетъ:

Каждый годъ въ полночь на новый годъ къ купецкому крыльцу пара вороныхъ съ колокольчиками и бубенчиками подкатываетъ, выходитъ съ крыльца Спиридонъ Тимофеевичъ въ енотовой шубѣ и бобровой шапкѣ, садится въ возокъ и уѣзжаетъ.. Конечно, все бы это ничего было,—почему купцу на парѣ съ колокольчиками не прокатиться? А только дѣло въ томъ, что...

Давай-ка поближе ухо:

— Сказываютъ, что на козлахъ-то у пары, замѣсто ямщика, чорта видѣли...

Вотъ она, чортова-то жалость... Не дай Богъ, чтобы человѣка крещенаго чортъ пожалѣлъ!..

Оглавленіе.

Стр.

Безплатное приложенiе
къ журналу
„ПРОБУЖДЕНIЕ“.